

ЛИЦО СВЕТА, ЛИЦО ТЬМЫ

Маргарита
Малинина

авантюрный детектив

Маргарита Малинина
Лицо света, лицо тьмы
Серия «Авантюрный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70110853

Аннотация

Когда пропала 18-летняя Элла, ее сестре-близнецу Соне ничего другого не оставалось, кроме как отправиться в имение Павлецкого – умершего кумира ее сестры, чтобы поискать там следы Эллы. Судя по ее переписке, Элла общалась с кем-то из фанатов рэпера Павлецкого прямо накануне своего внезапного исчезновения. Соня под видом Эллы приезжает на ежегодный съезд в имение, понимая, насколько опасно это может быть: если сестру убили, преступник знает, что она самозванка, и попытается ее устранить. А помощи тут ждать неоткуда. Это место, где новоприобретенные друзья могут вмиг оказаться врагами, а враг – оказаться другом, и даже больше чем другом...

Маргарита Малинина

Лицо света, лицо тьмы

Ночной мотылек, коварно соблазненный сочившимся из окна блеклым светом, неистово бился о стекло, желая проникнуть внутрь. Я закрыла книгу, внимательно уставившись на него. Одинокий и несчастный, он очень походил на меня. По этой ли причине, или из-за врожденной эмпатии мне стало его так жалко, что я в какой-то момент даже поднялась с кровати, с тем чтобы открыть одну створку и пустить его в комнату, но была остановлена сестрой.

– Что ты делаешь?

– Ничего... – Я просто стояла и смотрела на него по другую сторону стекла.

Элла права. Глупо впускать насекомых в помещение, где спишь. Будет летать всю ночь и биться в стекло уже с этой стороны. Такова его судьба – жить на улице, и я этого не исправлю.

А какая судьба у меня?..

– Выключи свет, мешаешь.

Я подчинилась, возвращаясь в постель, но мысленно вознегодовала. Чем ей мешает мой свет, если она не пытается уснуть, а напротив, сидит, уткнувшись в смартфон, и с кем-то переписывается?

Я смотрела в противоположный угол спальни, где нахо-

дилась кровать сестры. Она думала, что ей досталась самая выгодная часть комнаты – ближе к двери и дальше от окна, но она ошибалась. Точнее ошибалась, думая, что так считают все. Я же любила спать возле окна, даже шторы со стороны изголовья не задвигала до конца, чтобы видеть ночное небо.

Обняв подушку, я попыталась было уснуть, но Элла имела дурацкую привычку проговаривать то, что пишет, а иногда – и читать вслух ответы, и в итоге это она мне мешала.

– Где? – шептала она себе, тыча пальцем в экран. – Кладбище? What? – Длинный ноготь почесал голову. – Сонька, – кликнула она меня, повышая голос, – как пишется «безымянный»? Через «и» или «ы»?

– Через «ы».

– Ботанка, – фыркнула Элла, всю жизнь завидовавшая моим пятеркам, и вернулась к переписке. – Я тоже скучаю, – прошептала она и отложила наконец телефон.

– Новый парень появился? – полюбопытствовала я, поворачиваясь на правый бок, чтобы ее видеть.

– Не твоего ума дело, монашка! – фыркнула сестрица пренебрежительно, ища тапочки, и вышла из комнаты, отправившись в ванную.

Как стало ясно из нашего разговора, мы с сестрой не ладили, хоть и были однойцевыми близнецами. Когда вижу в фильмах или читаю в книгах про какую-то «особую связь» между такими, как мы, мне хочется и смеяться, и плакать одновременно. Впрочем, иногда нам снятся одинаковые сны

и периодически бывают схожие предчувствия. Как-то раз, когда маму увезли на скорой с инфарктом, мы обе прибежали домой из разных мест, хотя нам даже не успели еще об этом сообщить. Когда мы обменялись ощущениями, выяснилось, что мы в какой-то момент почувствовали нечто одинаковое: в грудной клетке завертелась неприятная воронка, и в голове билась единственная мысль: «Мама!». На этом все. Дружбы никакой между нами не было. Хотя до двенадцати-тринадцати лет мы были неразлучны. Требовали покупать нам одинаковую одежду и одинаковые игрушки. Помню, был даже период, когда мы заставляли других называть нас одним именем. Мы чередовали его по дням недели. По понедельникам, средам и пятницам мы были Эллами, по остальным дням, кроме воскресенья, Софьями. В седьмой день даже Господь отдыхал, создав землю, если верить тому, что написано в Библии, по этой причине мы давали отдых всем нашим знакомым и родственникам, и те могли называть нас, как сами того пожелают, мы их не поправляли. И вот настал период, называемый «переходным». Я оставалась такой же тихой, домашней девочкой, учащейся на одних пятерки и лишь иногда бунтующей по самым незначительным поводам, а Элла сильно изменилась, превратившись в так называемого «трудного подростка». Она пробовала курить и пить спиртное, сбегала на дискотеки и квартирные сходки, а в пятнадцать лет впервые переспала с парнем и, кстати, той же ночью пыталась мне поведать это в подроб-

ностях, а я, краснея и мучаясь стыдом, затыкала уши, накрывшись подушкой, и просила ее замолчать. Мне казалось, что то, что она говорит, это что-то мерзкое, греховное и ужасное, и если я выслушаю ее, то стану такой же грязной и испорченной. После того парня у нее были еще другие, а я к своим (точнее нашим) восемнадцати годам оставалась скромной, нецелованной девицей. Последним у Эллы был старший брат нашего одноклассника, ныне бывшего (месяц назад был выпускной), но с ним она рассталась еще полгода назад, поэтому я проявила любопытство, услышав озвученное ею сообщение. Насколько я знала, Элла давно ни с кем не встречается. Да, мы не очень близки, но поверьте, когда вы сосуществуете, пусть и с трудом, в одной комнате, такие вещи не остаются без внимания.

Телефон завибрировал, намекая на то, что пришло новое сообщение. Элла все еще была в душе, а я смотрела на ее телефон, думая, что делать. И нужно ли? С одной стороны, это не мое дело, да и читать чужие сообщения неприлично, это знают все, тем более такие «правильные» девочки, как я, но с другой, то самое редкое ощущение холодка в солнечном сплетении, которое именуют предчувствием, снова посетило меня. В итоге я все же поднялась и подошла к ее прикроватной тумбочке. Сообщение высветилось поверх экрана блокировки, и оно, если честно, произвело на меня сильное впечатление. «Выезжаю. Удали переписку».

Куда он выезжает? И кто – он? А может, она? В отправи-

телях контакт значился как «Зая», но, зная сестрицу, с полной уверенностью утверждаю: она так могла и учителя называть. А уж подругу – подавно. Друзей у Эллы, кстати, было немало, в отличие от вашей покорной слуги. Она и в школе была активной, а я, хоть и отличница, и гордость классного руководителя, однако чаще всего упоминалась как «ну эта тихоня, сестра Эллы», так еще у нее полно знакомых в реальной жизни и товарищей по переписке. Дважды в год она даже собирается с какими-то ребятами в доме-музее их кумира рэпера, умершего несколько лет назад, на какие-то памятные даты. Меня она ни разу не брала с собой, да я и не фанат такой музыки, поэтому не просилась.

Я вернулась на свою кровать в тот момент, когда хлопнула дверь ванной. Элла зашла в комнату. Телефон подмигивал зеленым огоньком – признак того, что имеется какое-то уведомление. Элла тут же бросилась к смартфону, очевидно, надеясь, что это сообщение. Я уже знала – так оно и есть. И внимательно следила за ее лицом, видимым в свете, льющемся из коридора через незакрытую дверь. Элла улыбнулась, удовлетворенно кивнув самой себе. Затем захлопнула нашу дверь, скинула халат и легла спать.

Я обрадовалась, что она никуда не собирается, окончательно расслабилась и начала погружаться в умиротворяющий океан сновидений. Если бы я знала, что вижу сестру в последний раз, я бы попросила ее не закрывать дверь и продолжала бы смотреть на ее лицо в дежурном свете коридор-

ной лампочки на протяжении целой ночи.

Мое лицо. Теперь я вижу только его – свое лицо. Зеркало не врет, мы правда очень похожи, но не одинаковы. Нас путают лишь те, кто плохо нас знает. Светлые волосы до плеч, на прямой пробор. Но даже тут имеются различия. У сестры – розовая прядь сбоку. И челка – короткая, бунтарская, разной длины. Я же челку не носила вовсе. Глаза у Эллы всегда залиты литром туши и двумя черной подводки, в довершение образа *smokey eyes* – серые тени вокруг этой всей черноты. Я же глаза почти не красила, лишь иногда серебристым карандашом – чтобы подчеркнуть их цвет. Элла любила солнцезащитные средства для автозагара. Я, в свой черед, так много времени проводила взаперти, читая книги и делая домашние задания, что была бледна как завсегдатая хосписа. Ногти я состригала, она – растила и красила в невероятно яркие цвета. На губы мы обе наносили блески, и это единственное, что нас роднило – любовь к нежно-розовым оттенкам. Элла знала, что выделять на лице нужно что-то одно: или глаза, или губы. Последние и так были пухлыми, поэтому она выбирала первые. А я просто страшилась ярких красок во всем. Одевалась Элла как работница трассы, а я, понятное дело, не носила чересчур облегающих платьев и юбок намного выше колена. Однако джинсы-скинни были у нас в гардеробе у обеих, как и всеразличная обувь, начиная от кроссовок и сандалий и заканчивая туфлями на каблук.

Итак, в тот июльский вечер я видела сестру в последний раз, как и наши родители. Пока мы все спали, она собрала сумку вещей и покинула дом, оставив записку на своей кровати. «Хочу пожить одна». Это стало главным аргументом властей против того, чтобы заводить дело. Совершеннолетняя девушка забрала свои вещи и предупредила, что уезжает. В чем проблема-то? Вы не хотите верить, что она могла так поступить с вами? Ой, ну молодежь еще и не такое совершает, поверьте нашему опыту или почитайте статистику... Есть у нее к кому пойти? Родственники, подруги, бойфренд? Ищите там...

Наш пожилой родственник, папин дядя, вышел на пенсию в звании полковника. Он напряг старые связи, и полицейские для проформы все-таки поспрашивали Эллиных друзей и ее экс-бойфренда и даже съездили в соседний регион к нашей тете, маминой сестре, с которой та была в ссоре вот уже второе десятилетие и вообще не общалась. Никто Эллу не видел. Телефон сестры проверили, но он оставался выключенным с часу ночи того самого дня. Я рассказала, что она с кем-то переписывалась, но это приложение-мессенджер не сохраняло сообщения на серверах, и получить переписку было невозможно, а в списке вызовов не было ничего подозрительного. Элла просто пропала. Вещей она взяла немного, это мы с мамой установили, поверив все шкафы и тумбы. Денег у нее не было, мы обе не работали и жили только на попечении родителей. Да и потом, если ты просто

решила пожить одна, если тебе кто-то нашел работу или твой парень согласился тебя содержать, то зачем ты отключаешь телефон? Ты его поменяла? Но почему ты не можешь позвонить домой и просто сообщить, что с тобой все хорошо, что ты жива и здорова? Моя сестра была себе на уме, она была легкомысленна и эгоистична, но не настолько же! Да, мы с ней часто ругались, но к матери она была привязана, как и я, ведь предчувствие того инфаркта – это же не просто так. Кстати, у мамы был второй инфаркт, когда выяснилось, что Элла сбежала, и третий она уже не переживет – так сказали врачи. Но на этот раз Элла не прибежала домой, лишь на полминуты отстав от кареты скорой помощи. На этот раз у ее не было предчувствий. Или были, но она по каким-то причинам не могла вернуться. Или она просто уже была мертва...

Прошел месяц, надежды на ее добровольное возвращение оставалось все меньше. Если она и скопила каких-то денег, они должны были уже закончиться. Она знала номер карточки отца и секретный код, однако не считала нужным ей пользоваться. Знакомые папиного дяди-полковника по его просьбе каждую неделю пробивали паспортные данные по разным базам, но ничего нового в связи с Эллой не появлялось. Я, в свою очередь, еще через два дня после ее побега зашла в компьютер с ее учетной записи, подобрав пароль (для близнецов это не проблема), однако ничего странного не обнаружила. На рабочий стол были выложены фотографии – прямо

так, файлами. Вместо фонового изображения – тоже фотография. Элла на фоне какого-то полуразрушенного замка – небольшого, из серого кирпича. Приглядевшись, я заметила сзади обычный железный забор и поняла, что замок – новодел. Следовательно, не разрушенный, а недостроенный. Тогда я еще надеялась на помощь полиции, поэтому не стала заморачиваться. Да и, сказать по-честному, я вообще была какое-то время уверена, что это просто очередной закидон сестры, и она вернется сама.

И вот через месяц, когда стало ясно, что нет, возвращаться она не собирается, я и полезла снова в компьютер и уставилась на улыбающееся лицо, точь-в-точь мое, на фоне данной псевдоготики. Где это она?..

Терзаемая этой мыслью, я наконец-то полезла изучать все файлы на рабочем столе. Итак, как я уже сказала, помимо стандартных ярлыков от разных программ, были фотографии – целых пять. Две из них – групповые снимки. Все сделаны на улице. Таким образом, я смогла понять, что это одно место, одна территория, потому что забор одинаковый – из темно-зеленых железных листов. Весьма выгодный цвет, потому что сливается с растительностью и не портит вид. Территория была огромной, во всяком случае больше стандартных загородных участков. На ней расположен большой светлый двухэтажный дом в стиле барских особняков девятнадцатого века, с резными балясинами на деревянном крыльце, белыми колоннами и крашеными изразца-

ми на всех окнах, а в другой стороне участка – тот самый недостроенный замок. Вся остальная территория засажена цветами и кустарниками (на снимках везде цветущая сирень и клумбы с тюльпанами, из чего я сделала вывод, что информация о дате снимка в свойствах файла верна – май) и заставлена белыми скамейками. Что это такое? Закрытый санаторий? Резиденция нефтяного магната? Где же она?

Потом я снова открыла групповой снимок. Восемь молодых людей, включая Эллу, импозантный дяденька лет пятидесяти с выступающим пивным животиком и весело улыбающаяся старушка очень маленького росточка, что было видно даже учитывая, что она сидела на стульчике. Если бы не старуха, я бы еще могла подумать, что это какой-то частный реабилитационный центр для наркоманов, но она рушила все мои представления о строгих психологах-воспитателях, да и цветов для такого заведения слишком много. Я понимаю, что частные центры строятся, исходя из личных представлений их учредителей о терапии и душевном комфорте, но все-таки, мне кажется, в этом случае обошлись бы парой-тройкой клумб. Да и поездка Эллы в такое место вызывала недоумение. Не было у нее друзей-наркоманов, которых она могла бы здесь навещать. Тогда что остается? Частные владения. Насчет магната я, конечно, загнула, размах не такой большой. И тут я вспомнила. Рэпер! Так вот куда она ездит дважды в год!

Открыв браузер, я пододвинула клавиатуру и начала пи-

сать поисковый запрос. Через пятнадцать минут я уже знала об этом рэпере почти все. Ян Павлецкий – имя кумира моей сестры – приобрел три соседних участка в стандартные двенадцать соток и возвел сперва двухэтажный гостевой дом, а затем принялся за собственные хоромы в стиле средневековых замков, само собой, в более скромных габаритах. Но не дождался окончания работ и трагически погиб, оставив из семьи лишь одинокую бабушку – больше у него никого не было. Его застрелил какой-то уличный грабитель, но это, конечно, официальная версия. Учитывая, что убийцу так и не нашли, да и с пистолетами они по дворам как-то нечасто ходят, можно сделать вывод, что убийство было заказным. Тексты песен рэпера призывали к мятежу, популярно рассказывая об антивоенных митингах, репостах и уголовной за них ответственности, совершенно неоправданной с точки зрения морали и элементарного здравого смысла, а правительству такая правда никогда не нравится. Рэпер умер в возрасте двадцати шести лет – как Лермонтов, фанаткой которого как раз была я. Почему-то именно это заставило меня познакомиться с творчеством певца поближе. Найдя в интернете его песни и начав их слушать, я удивилась, когда с какого-то незнакомого адреса мне пришло письмо на электронную почту, о чем высветилось уведомление в браузере. Потом до меня дошло, что я все еще в учетной записи сестры, и писали ей, а не мне. Открыв письмо, я едва не свалилась со стула. У рэпера через неделю памятная да-

та. В мае его застрелили, а в конце августа он родился. Припоминаю, что именно в эти месяцы сестра уезжала куда-то на пару дней. Она говорила, что это творческий съезд, и родители ее беспрекословно отпускали, потому что это единственное «человеческое увлечение» в их глазах. Возвращаясь, она рассказывала, что они учили и декламировали стихи и разыгрывали сценки из жизни кумира по написанным ими самими пьесам, и родители считали, что Ян Павлецкий – это такой писатель-классик, не очень хорошо известный, ведь сами они его в школе отчего-то не проходили.

Итак, Эллу звали на ежегодный съезд по случаю тридцатого дня рождения любимого рэпера. На все выходные. Адрес прилагался. Конечно, Элла его знала, ведь дважды в год туда ездила, но письмо-приглашение было официальным, очевидно, она подписана на рассылку. Писал какой-то фонд от имени Сергея Макарова. Фонд уточнял, что нужен стандартный взнос на проведение праздника – три тысячи рублей. С восьми (это как минимум, ведь не все любят фотографироваться) участников это уже двадцать четыре тысячи, весьма неплохо за два дня. В то же время в приглашении указывалось, что включены полноценные обеды, и вдобавок в доме имеется «безграничное количество» хлебцев с отрубями, крекеров и каш быстрого приготовления, «что отлично подойдет для завтраков», указывалось в приглашении, а также пакетированный чай и гранулированный кофе. Об ужине каждый член загадочного съезда, «как обычно»,

должен позаботиться сам. Интересно, кто давал деньги Элле на эти съезды? Она ведь платила и взносы, и покупала себе еду как минимум для ужина. Тут указывалось, что имеется кухня и можно готовить.

На первом этаже гостевого дома живет бабушка Павлецкого и во время съездов сам Макаров, но еще две маленькие комнаты свободны. На втором этаже шесть больших спален, где может разместиться от одного до двух человек. Каждому выдаются комплекты постельного белья и по одному полотенцу. Все остальное нужно привозить с собой.

Далее шла программа по дням. Ночь страшилок: чтение дневников. Творческая студия: написание песен, репетиция пьесы, репетиция музыкального самодеятельного концерта. На воскресенье намечен показ первого фильма про Павлецкого, снятого для какого-то кинофестиваля. Макаров получил копию фильма по знакомству. А в среду, в официальный, точнее календарный день рождения, пройдет концерт самодеятельности, ежегодно устраиваемый преданными поклонниками.

Ответным письмом нужно подтвердить свое согласие.

Кто такой этот Макаров? Не тот ли самый дядечка в центре?

Я переключилась на незакрытое окно с фотографией. Вот он, стоит среди ребят и улыбается. Лоб блестит от пота, как и верхняя часть груди, видимая через полурасстегнутую черную рубашку. Если бы не ее темный цвет, навер-

но, были бы заметны пятна в подмышечной области. И тут я впервые бросила взгляд на Эллу. Когда я увидела фото впервые, я рассматривала других и общую обстановку, пытаюсь понять, где находится моя сестра. А теперь я изучала конкретно ее лицо. Элла выглядит испуганной, она единственная смотрит вбок, тогда как все остальные – на камеру. Из-за того что она с краю, невозможно понять, кто из присутствующих вызывает в ней такой страх.

Последний раз она видела этих людей в конце мая, то есть за два месяца до исчезновения. Странно думать, что это как-то связано, все-таки срок большой, но выражение ее лица... Элла никогда ничего не боялась, уж мне ли этого не знать? Чтобы она так выглядела, должно было произойти что-то поистине экстраординарное. И это случилось там, в имении Павлецкого.

Я ответила «Подтверждаю» и выключила компьютер. Денег на карманные расходы мне почти не давали, у нас бедная семья, однако на праздники я всегда просила деньги вместо подарка. Все знали, что я прагматик. Я всегда на что-то собираю, будь то новый телефон или качественный кожаный рюкзак. Я не люблю переплачивать, да и не могу себе этого позволить, поэтому всегда жду акции в магазинах или просто ищу, где подешевле, поэтому деньги с подарков у меня остаются. Я полезла в свой заглашник и обнаружила там пять тысяч рублей. Еще пара тысяч в кошельке – тоже сэкономленные с каких-то карманных денег на редкие походы в ки-

но или кафе с подружками, которых у меня почти не было, как я уже говорила. Сейчас я похвалила себя за излишнюю, как многие считают, бережливость. Потому что об авантюре, на которую я только что подписалась, мои близкие знать не должны. У мамы и так плохо с сердцем. Если я, во-первых, дам ей надежду, а потом не оправдаю ее ожиданий, а во-вторых, скажу, что направляюсь в то место, где, возможно, будет человек, поспособствовавший исчезновению Эллы, кто знает, переживет ли она это все. Мне просто нужно придумать предлог, чтобы отсутствовать два дня и две или три ночи.

Я влезла в телефон и вбила адрес в строку поиска. Открылась карта. Поселок Звездный был на границе двух регионов – нашего и соседнего. Мне повезло, с нашего вокзала туда ходил автобус, всего пару раз в день, но с вечерним я как раз успевала на «Ночь страшилок» (что бы сие не означало), начинавшуюся в десять часов вечера пятницы.

Отложив телефон, я встала и заходила кругами по нашей небольшой спальне, от ее кровати до своей и обратно, поглощенная нелегкими раздумьями. Я серьезно решила на это?

– Я просто отправила письмо, это ни к чему меня не обязывает, – успокаивала я себя, пока ноги продолжали навораживать круги, – у меня почти неделя на окончательное решение. Я могу просто не поехать – и все!

Поздно вечером, зайдя в ванную, чтобы принять душ, я по привычке потянулась к маникюрным ножницам, затем посмотрели на свои короткие ногти, вздохнула и убрала нож-

ницы обратно в косметичку. Потом, подумав еще немного, опять их достала и отрезала себе челку – короткую, неровную, максимально близкую к тому, что я привыкла видеть у Эллы.

На следующий день я снова включила компьютер. Электронная рассылка – это одно, но где вы все общаетесь? Я набрала в поисковике «сайт Яна Павлецкого». Таковой оказался всего один – с форумом, я имею в виду, и популярный в плане ежедневной посещаемости. Я нажала на кнопку «вход». Не успела я подумать, зарегистрировалась ли Элла здесь, как тут браузер сам предложил мне подставить логин и пароль, которые он запомнил по просьбе владельца. Итак, Элла здесь была известна под ником *Dark_Angel* (ничего удивительного). Я тут же полезла в личные сообщения. Последнее было, что примечательно, от человека с ником *Зайчик2020*. «Ты нашла?» – единственное сообщение от него. Или единственное, которое сохранилось. Я полезла в исходящие. «Нет, в августе найду. Кажется, знаю, кто причастен». Я посмотрела на дату. Она это отправляла за два дня до исчезновения!

Я встала и заходила по комнате. Итак, есть какой-то Зая, он же (или не он же) Зайчик2020 на форуме. Вместе с ним Элла искала какую-то вещь. Вечером накануне исчезновения он написал, что он куда-то едет, и требовал удалить переписку. Во что же они влезли? Они оба пропали? Или это Зайчик

сделал что-то с моей сестрой? Или они оба сбежали и живут на его деньги? Или эти события не связаны и после встречи Зая вернулся домой как ни в чем не бывало и даже не знает, что Элла исчезла? Надо его найти!

Я взяла телефон, чтобы позвонить моему двоюродному дедушке, или как там это называется, короче, дяде Мише. По идее, можно отследить IP-адрес, с которого Зайчик заходит на форум. Потом я все же отложила телефон, хорошенько все обдумав. Сообщений тех никто не видел, кроме меня. Даже я застала лишь последнее и какие-то обрывки разговора, когда Элла по привычке проговаривала мысли вслух. Даже если найдут парня с форума, как можно доказать, что это он ей писал? Ну проверят локализацию его телефона, допустим, но мы же не знаем, куда Элла поехала. С чем сверять его перемещения?

– Кладбище! – вспомнила я. Элла проговаривала слово кладбище и удивлялась, как если бы ее туда заманивали. А потом спрашивала у меня как пишется «безымянный». Что это был за диалог? Зачем ей это слово? Неужели они говорили про какую-то безымянную могилу? Что они собирались там делать?

Кладбищ в городе было только два, не считая прилегающих деревень. Когда Элла пропала, я рассказала родителям, что она писала кому-то про какое-то кладбище, и мы даже объездили их все, включая деревенские. Но никого, понятное дело, не нашли, и никаких следов ее пребывания тоже.

Но что если они говорили про неместное кладбище?

Я открыла карту и вбила в поиск поселок Звездный. Три участка Павлецкого расположены на краю поселка, далеко от главной дороги, ведущей в город. Зато как раз с этой стороны поселка ведет дорога на местное кладбище; судя по карте, идти максимум пятнадцать минут.

Я вздохнула и включила компьютер, чтобы в очередной раз открыть групповой снимок. Все дороги ведут в поместье Павлецкого, а значит, придется ехать. Если пропал какой-то Зая, то все будут об этом говорить. Элла для них не пропадет, конечно. Никто их не трогал в связи с расследованием, потому что она ездила в Звездный последний раз за два месяца до исчезновения, как я уже говорила, и, казалось бы, ни с кем из фанатов рэпера связь не поддерживала, за исключением только этих ежегодных сходов. Если Зая не пропал, то тогда высока вероятность, что он будет там уже в эти выходные.

Я открыла форум и написала ему: «Ты поедешь?», – специально не уточняя куда. Затем открыла групповое фото, как и хотела вначале, и стала внимательно изучать каждое лицо.

Первым бросается в глаза статный блондин, высокий, широкоплечий, прилизанный, волосы на косой пробор, волосик к волосику, красивое волевое лицо, немного надменное, белая рубашка и светло-голубые джинсы. Сколько сердец ты разбил?.. Рядом с ним стоит такой же высокий, но худо-

щавый брюнет, лохматый, залихватская челка поднимается от ветра. Блондин серьезен и даже немного груб, в его лице читается вызов, мол, ну, кто на меня? Рискните и обломите зубы. Брюнет же веселится от души. За спиной ребят, чуть ближе к блондину, стоит пепельная блондинка с накачанными губами. Какой ужас. Как они не понимают, что это некрасиво? Да еще и деньги платят за эту процедуру! Верхняя губа нависает над нижней, цвет помады – темно-коричневый, вкупе с глуповатым выражением лица создается ощущение, что это обезьяна, а не человек. Фигуру ее не видно, закрывают спины парней. Рядом с этой колоритной троицей стоят две девушки. Рыжая с короткой пышной стрижкой, чуть полновата, тоже улыбается, но более добродушно, чем брюнет, а другая – стройная и высокая красавица с длинной русой косой до пояса, словно сошедшая с пасторальных пейзажей о крестьянской жизни на Руси. Впрочем, приглядевшись, я увидела, что черты лица у русой простоваты, и вся ее красота заключается в этой косе. То, как тесно они стоят с рыжей, намекает на дружбу девушек. Чуть дальше стоит брюнетка с пирсингом в губе и наколками на руках, очень худая. Этой, кстати, больше всех подходит бунтарский дух рэперской музыки. Интересно, с кем из них моя Элла дружила больше? Не с этой ли. И наконец, совсем с краю, с противоположного от Эллы, стоит очкарик с темно-русыми волосами, очень маленького роста, сильно смахивающий на Гарри Поттера, только шрама в виде молнии недостает.

Всем по виду лет двадцать. Из «взрослых», как я уже говорила, только мужчина в центре и старушка, которую посадили на стул для снимка.

Кто же из вас *Зая?*..

– Точно так хотите? Розовые полоски уже не модно. Давайте я вас в бирюзовый выкрашу! – с энтузиазмом предложила девушка-парикмахер, когда я показала ей фото того, что хочу. Лицо Эллы пришлось закрасить, а то возникли бы вопросы. Конечно, можно было сказать, что это я, что я хочу вернуть все как было, но я побоялась, что по моим волосам будет понятно, что я никогда не осветляла отдельные пряди, только красила их целиком.

– Сделайте, пожалуйста, именно так! Это моя подружка, и мы хотим быть одинаковыми!

Сказав это, я прикусила язык, ведь довольно странно окрашивать собственной подружке лицо, я ведь изначально хотела сделать вид, что просто нашла в Сети какую-то девушку с хорошей прической и цветом волос. Но парикмахер ничего не стала больше спрашивать. Когда она закончила с прядью, я попросила подровнять челку, чтобы больше было похоже на мою «подругу».

Затем я переключилась на Эллин гардероб. Первое, что я сделала, вернувшись домой, – открыла ее шкаф и просмотрела все ее вещи. Все такое вызывающее и яркое... Даже не знаю, смогу ли это носить. Благо, что облегающие

джинсы мы любили обе, как я уже говорила, только я обычно носила их с удлиненными футболками и свитерами, а она с короткими. Взяв ее майку с сердечками, всю в декоративных порезах, я приложила к себе и своим темно-серым джинсам, подойдя к зеркалу.

– Что ты делаешь? – услышала я недовольный возглас в дверях.

Вздрогнув от неожиданности, я выронила тряпку.

– Да вот, хотела... – А что я, собственно, хотела? Что отвечать матери? Я ведь не собираюсь говорить ей о своем авантюрном плане, который может быть опасен. Но ничего другого на ум не приходило, посему я молчала.

– Элла еще может вернуться, ты же знаешь! – с надрывом сказала мама, входя в комнату, а ее подбородок задрожал. Я стала себя мысленно проклинать. Что же ты делаешь?..

– Я знаю, но она мне разрешала брать ее одежду, – слукавила я. Хотя, может, и разрешала бы, кто знает, ведь я никогда не спрашивала. Моя мне больше нравилась.

Мама поджала губы. С тех пор как пропала сестра, она почти не разговаривала и никогда не улыбалась, тем более не смеялась. Когда сбегает ребенок, волей-неволей начинаешь думать, был ли ты для него хорошим родителем. И эти мысли удручают. Наверно, я должна была убедить их с папой, что их сомнения беспочвенны. Но мне было не до этого.

Мама уже собиралась развернуться и уйти, как внезапно заметила что-то на моей голове и приблизилась.

– Соня, что это?! – Она провела рукой по моим волосам. Я в первые секунды даже не могла понять, что ее так поразило. А потом до меня дошло: розовая прядь!

– Это... – Думай, думай быстрее! – Это в ее честь...

Мама вздохнула и все же расплакалась.

– Она вернется, ты же знаешь! – рыдая у меня на плече, с трудом выговаривала она слова.

– Да, надеюсь. – А мысленно я добавила: «Я сделаю все для этого!»

Автобус высадил меня на грязной неприметной остановке, состоящей из трех стен и дырявой крыши, ровно в половине десятого. У меня оставалось полчаса, чтобы найти имение Павлецкого, со всеми поздороваться (Элла же так делала, я надеюсь?) и начать какую-то ночную игру. Или представление. Или что это такое... От мыслей, что это может быть что-то очень и очень плохое, у меня сжалось все внутри, а по ногам побежали холодные мурашки.

«Так, успокойся, – думала я, медленно шагая вперед. – Ну не оргии же они там устраивают! Элла бы не стала в этом участвовать!»

– Ты уверена? – спросила я себя вслух. От сестрицы можно ожидать чего угодно.

Я перешла шоссе, в этот поздний час практически пустое, и направилась в деревню по довольно узкой дороге с плохим асфальтом. Уже стемнело, но кое-где горели фонари. Петля-

ющая дорога вела меня через какое-то заброшенное СНТ, судя по заборам и пустым участкам, с одной стороны и заросли с другой.

В какой-то момент мне показалось, что я тут не одна. Я остановилась и посмотрела в сторону зарослей, а затем обернулась. Нет, за мной никто не шел. Но я же слышала что-то... Значит, некто пристроился за деревом, чтобы я его не заметила, дабы идти за мной и в какой-то момент напасть. Так, успокойся, это просто звуки. Надо установить источник шума, только и всего. Может, это какая-нибудь птичка?

Я включила фонарик в телефоне и посветила в густую листву. Ничего не видно. Однако листва ответила на луч света неожиданным шевелением. Мамочки... Куда меня на ночь глядя занесло?! И ведь никто меня не будет здесь искать, случись что ужасное. Я сказала родителям, что еду к тете. Объяснила, что мне тетя скажет правду, если Элла к ней все-таки заезжала. Вдруг она у нее поселилась? А если нет, то хотя бы познакомлюсь с родственницей, ведь я ее видела только в детстве. Редкие поздравления с днем рождения при помощи мессенджера и пересланной открытки не считаются общением. Конечно, я была уверена, что тетя, какой бы она ни была, зная, что Эллу ищут (ведь полиция с ней связывалась), все равно бы сообщила нам, если бы у нее была какая-то информация, даже если сестра была против. Но мне нужен был повод сбежать из дома на пару дней. А маме, соответственно, нужен был повод помириться с родной сест-

рой, ведь, теряя кого-то одного, сильнее цепляешься за тех, кто остается. Понятно, что сестра не заменит ребенка, но тем не менее... В общем, мама почти не сопротивлялась моему отъезду и убедила отца, что мне это пойдет на пользу. Я, в свою очередь, обещала писать каждый день. Проблема в том, что, не получив от меня завтра ни одного сообщения, искать меня будут далеко отсюда...

Напрягая зрение, я всматривалась в мрачную, пугающую черноту между стволами деревьев. Таинственный шелест исходил откуда-то оттуда, но слабый луч фонаря почти не освещал это место, для него это слишком далеко. Мне показалось, что какая-то тень быстро переметнулась от дерева к кустам, что были ближе ко мне.

– Эй! – позвала я.

Когда я разрывалась между желанием бежать обратно к дороге или проверить, кто там ходит, сделав шаг навстречу неизвестности, из кустов выбежал черный пес и звонко тявкнул. Казалось, он боится меня не меньше, чем я его.

– Тьфу ты! – разозлилась я.

Плюнув на пса (мысленно, конечно), я отправилась дальше и довольно быстро вышла к первым домам. Здесь липкий страх меня окончательно покинул, так как во всех окнах еще горел свет, а некоторые жители сидели в беседках недалеко от забора и потому видимых с тропинки.

В поселке не было улиц, а номера домов по чьей-то странной прихоти стоят вперемешку, и если бы не навигатор, под-

сказывающий, на какую дорогу свернуть, я бы искала нужный дом до второго пришествия.

Итак, вот он, участок рэпера Яна Павлецкого. Тридцать шесть соток. Хоть тут и три участка, как я уже говорила, но ворота с калиткой только одни. И я иду к ним, взволнованно думая, что же меня ждет, и для погружения в атмосферу слушая в наушниках песню Павлецкого.

«Приходит весна, а за ним и лето. Все изменяется, власть сменяется где-то. Но только не здесь, только не здесь. Здесь воровство, убийства и спесь...» – доносилось из наушников, пока я тщетно искала звонок на двери, стоя возле калитки. Тут я задумалась над словами песни и даже занялась легкой критикой. Неужели спесь сопоставима с убийствами? Почему она стоит в одном ряду с ними, да еще и заключающим аккордом? Нас в школе на уроках литературы учили такому приему – градация. В конце должно быть что-то черное, перед этим темно-серое, а первым в списке должно идти просто серое. Чтобы нагнетать. В то же время рэпер, он же автор своих песен, думал, конечно, о рифме в первую очередь, а не о каких-то там заумных поэтических приемах.

Наушник вдруг сполз на плечо, и я с удивлением обнаружила человека за спиной. Оказывается, это он выдернул наушник, дернув за провод.

– Ору тебе, ору, а ты – вот оно что... Слушаешь!

– Ага, – рассеянно ответила я, разглядывая парня. По очкам и росту я поняла, что это тот самый Гарри Поттер – чер-

ты лица особо не запомнила, да и не видно толком в полумраке: последний уличный фонарь довольно далеко отсюда.

– Ну-ка, щас поверим, что именно ты слушаешь! – Очкарик воткнул мой наушник себе в ухо. – Ага! Ну ладно, прощаю! – И заулыбался.

Боже, как мне повезло... Додумалась ведь «войти в образ»! Невзирая на то, что слышу тихоней, я обожаю тяжелый рок и металл. Вот вышел бы казус, если бы в наушниках по привычке играли *Five Finger Death Punch*, к примеру, а то и *Amon Amarth* какой-нибудь...

– Окей, – я тоже улыбнулась.

Очкарик, однако, насторожился, на что указывали сузившиеся глаза и легкая борозда-морщина над ними. Элла никогда ему не улыбалась? Или не говорила «окей»? Мне она часто так говорит. Или говорила... Но об этом не хочется думать.

– Че не заходишь?

Ах вот чем вызвано его недоумение! Тем, что я не знаю, где тут звонок. Но вдруг у них какой-то секретный способ позвонить? Очень хотелось бы сделать сейчас три коротких, три длинных и три коротких звонка, ведь все мое естество в данный момент кричит «SOS!», но, сдастся мне, их кодовый сигнал должен быть позакковыристее.

– Пропускаю вперед, – выкрутилась я и сделала шутливый поклон, одновременно выставляя руку, мол, прошу.

И тут произошло невероятное. Очкарик подошел к две-

ри вплотную и на маленьком кодовом замке, какие обычно присутствуют на подъездной двери, нажал одновременно три кнопки с цифрами, кои я не потрудилась запомнить от шока, ведь я эту панель в глаза не видела прежде. Когда ты настроен позвонить, а не набирать код, ты ищешь глазами нужный предмет все-таки где-то повыше.

Замок приветливо щелкнул, очкарик открыл дверь и повторил мой жест, пропуская меня вперед. Я снова поклонилась, хоть и не была уверена, что Элла любила дурачиться с этими людьми, но со мной же она часто кривляется и язвит, почему бы ей этого не делать в общении с другими?

Мы зашли на участок. Так как было темно, как следует разглядеть территорию я не могла, тем более что калитка с воротами находилась недалеко от двухэтажного длинного гостевого дома, к которому была выложена дорожка крупной квадратной мраморной плиткой. Лишь вдали, справа от дома, вырисовывался, окутанный тяжелым сумраком, как туманом, таинственный недостроенный замок, эффектно подсвеченный снизу маленькими садовыми фонарями.

– Заходи, че встала? – гаркнул мне в ухо провожатый, когда я замерла, замороженная увиденным.

– Замок красивый, – ляпнула я, переступая порог дома, дверь которого, к счастью, была открыта.

– М-да? – явно удивился моему ответу парень в очках. – Ну сейчас все равно туда пойдем, вот и насмотришься. – «Туда пойдем», – мысленно отметила я. Значит, эти самые стра-

шилки происходят именно там – в замке! А парень тем временем продолжал говорить: – Хотя за три месяца он не изменился, знаешь ли!

– Почему бабушка не вложит деньги в строительство? – рискнула спросить я, разуваясь в углу прихожей, где уже стояло по меньшей мере шесть пар разной обуви. Я не знала, как молодежь относится к этой бабке, как они ее все называют, в том числе Элла, но судя по тому, что она участвует в фотосессиях, она в любом случае часть коллектива, и наверняка обсуждают ее довольно часто. Вот только что мне делать, если выяснится, что информация по теме уже неоднократно озвучивалась – запоздало подумала я. Ну, что поделать, сошлюсь на девичью память.

Однако зря я испугалась, Гарри Поттер и бровью не повел, просто задорно хмыкнул, мол, что за бред, и ответил:

– Смеешься? Ей и в доме хорошо. Ты представляешь себе ее в замке?

Я прыснула, потому что подумала, что Элла должна была так отреагировать, но сама-то я не видела эту бабку, только на фото, поэтому представить ее нигде не могла и понять, что в этом такого неправдоподобного, тоже.

Парень полез за тапочками в тумбу возле входной двери, и я сделала то же самое. Итак, тапочек много, но они все разные. Как быть? Увидев у Поттера пару тонких темно-синих, какие обычно выдают в отелях, я решила, что это специальные одноразовые для всех. Но внутри имелись и явно жен-

ские, с цветочками, узенькие, поношенные. А мужские тоже были разными. Что мне брать, чтобы не вызвать подозрения? Не дай бог я напялю на себя тапочки той пепельной гламурной курицы или брутальной девушки-гота. Первая высмеет, причем прилюдно, и капризным тоном потребует назад, вторая вообще морду набьет.

«Не суди по внешности», – сделала я себе замечание и просто выбрала первые попавшиеся, по виду – женские.

Поттер на мои ноги даже не глянул, ну и замечательно.

Итак, маленькая прихожая, являвшаяся всего лишь выступом наподобие террасы, плавно выводила в огромный светлый холл высотой в два этажа, выдержанный в бело-бежево-золотистых тонах. Справа от входных дверей началась добротная широкая деревянная лестница на второй этаж, который весь был как на ладони: коридор перед дверями представлял собой балкон над первым этажом, огороженный такой же деревянной балюстрадой, как и лестница, в виде резных перил с балясинами. Направо и налево из холла вел коридор. Интерьер, в котором присутствовали античные элементы, такие как скульптуры и расписные вазоны, мне подробно рассмотреть не дали: Поттер, переобувшись и скинув ветровку, тут же куда-то побежал. Я быстро шла за ним по ужасно длинному коридору, который наконец привел нас на очень просторную и светлую кухню.

Вот тут, прямо сейчас – предельное внимание! Если кто-то из них виновен в исчезновении Эллы и не дай бог сделал

с ней что-то ужасное, то по его реакции на меня я все пойму.

Видите ли, я не сказала вам главного о сестре. Это то, что меня всегда бесило, однако благодаря этому я и не побоялась провернуть весь этот трюк с подменой. Дело в том, что она жутко стеснялась того, что у нее есть сестра-близнец. В какой-то момент она начала требовать, чтобы нас развели по разным классам. Мы учились в «А», а в школе был еще параллельный «Б». Вот туда она и требовала меня «засунуть». Когда мы с мамой и папой попытались донести до нее, что это как минимум глупо, ведь все в школе все равно уже знают, что мы сестры, а если придут новенькие, они же увидят меня в коридоре, тогда она, признав, что была не права, потребовала меня теперь перевести в другую школу! Я плакала, а мама доходчиво объяснила сестрице, что из-за ее странных капризов никто не будет возить меня в другую школу, потому что, во-первых, эта – самая близкая к дому, и во-вторых, я привыкла и к ней, и к учителям, и одноклассникам, хоть и особо ни с кем не дружила, как я уже упоминала раньше, короче, это будет для меня большим стрессом. «Еще больший стресс – быть не как все! – ответила тогда Элла. – В другой школе никто не будет знать, что у нее есть сестра с ее лицом!» На это мама разумно предложила самой Элле перевестись в другую школу, но с тем условием, что ездить она будет туда сама – на автобусе. Или ходить пешком тридцать минут каждый день туда и обратно. После этого, поняв, что ее капризам никто потакать не будет, Элла при-

смирела.

Родители недоумевали, откуда вдруг взялась такая нелюбовь ко мне или в принципе к тому, что у кого-то ее лицо, и списали это в итоге на подростковый период, и только я знала возможную причину. Но не стала никому рассказывать. Дело в том, что летом мы ездили в деревню к дальней родне на две недели. Там был мальчик, сын соседей, который Элле жутко понравился. Я бы даже сказала, что это была ее первая любовь. Нам по тринадцать, ему пятнадцать вроде. Или четырнадцать, точно не помню. И вот она начала с ним дружить и ходить за ручку. А потом он пообщался со мной, и одного дня ему хватило, чтобы определиться. У меня не было к нему интереса, и ходить с ним за руку я не стала, однако с сестрой он уже не горел желанием разговаривать. Он сказал ей, что я умнее. Да, так и сказал. Возможно, это грубо и бестактно, но вспомните, он был почти ровесник, тоже ребенок, по сути. Однако уже в сентябре, когда мы вернулись в школу, и началась ее первая истерика. И вот примерно с того времени мы перестали быть подругами. Более того, с тех пор она ненавидела, что мы – люди с одинаковым лицом. И я уверена на все сто процентов, что в этом маленьком мирке, куда Элла не пускала ни родителей, ни меня, ни одна живая душа не знала, что у нее есть сестра-близнец, похожая на нее как две капли воды.

Итак, я вошла на кухню, где вокруг круглого стола светлого дерева уже сидели пять человек и пили кто ароматиче-

ский чай, кто кофе. Запахи этих напитков смешивались с запахом свежеспециенных булочек, лежавших в большой плетеной корзине в центре стола.

Пять пар глаз уставились на нас с очкариком. Блондин, снова весь в белом, как на снимке, недовольно сморщился; брюнет, такой же лохматый, криво ухмыльнулся; пепельная блондинка, быстро мазнув меня взглядом, сделала вид, что не заметила моего прибытия, и тут же вернулась к блондину, которому с воодушевлением что-то до нашего появления рассказывала; брюнетка в татушках, увидев нас, испуганно расширила глаза (однако!); наконец, полноватая девушка с темно-красным цветом волос (на фото она была рыжее, видимо, перекрасилась) проявила самую нестандартную реакцию: вскочив из-за стола, полетела на меня! Я в страхе отшатнулась, но, как оказалось, зря: она бежала, чтобы меня обнять.

– Элка, ты смогла! Как я рада!

Тоже обняв ее в ответ, я уставилась в ее лицо инквизиторским взором. Нет, такую радость подделать нельзя. Списываем рыжую, в смысле красную, со счетов. Хотя Элла – эстет во всем и людей ценит, как я всегда полагала, лишь за внешность. Поэтому странный выбор для нее, с кем дружить.

– Да, – ответила я лаконично, ведь я не знала, что сестра говорила им. Судя по фразе этой девушки, Элла сомневалась, что приедет на этот раз. Вот бы выдернуть побольше информации у этой девчонки, но аккуратно, чтобы

не выдать себя. Думаю, прикинуться Доцентом, «тут помню, тут не помню», здесь не прокатит.

– Привет, Тошка! – похлопала она моего провожатого по голове, как котенка.

– Тони, я попрошу!

Тоша-Тони – это, по всей видимости, Антон, догадалась я. Хотя бы одного теперь знаю, как зовут.

– Тони, пойдем копать картошку! – громко пропел брюнет. – А, нет, нескладно! Не нравится! Как считаешь, бро? – обратился он за советом к блондину, сидевшему справа.

– Мне тоже не очень. Останется Антошкой.

Пока Тони, морщась от насмешек этих двух, смотрел в потолок, словно молясь о защите, «моя подружка» предложила:

– Эллка, тебе чаю налить?

– Да, давай. – Я хотела добавить «спасибо» из природной вежливости, но успела прикусить язык. От Эллы я нечасто слышала это слово.

Блондин, невзирая на недовольство нашим появлением, я бы даже сказала легкую враждебность, которая читалась в светло-серых глазах, первым начал двигаться вместе со стулом, остальные повторили за ним, и в итоге для нас с Антоном появилось много свободного места.

Красноволосая уселась рядом со мной, хотя она вроде тут и сидела до нашего появления на кухне, короче, она оказалась справа от меня, тогда как Антон – слева.

– Плохо выглядишь, – ляпнула она, разглядев меня получше. – Бледная такая! Что с тобой?

«Черт!» – подумала я, вспоминая про автозагар. Я же нашла его в тумбочке сестрицы, но забыла применить. В то же время, может, оно и к лучшему. С первого раза не факт, что я бы сделала все правильно, и результат мог привести к тому, что выйти из дома я бы в ближайшее время не смогла.

– Плохо сплю последнее время, – нашла я с ответом и, чтобы она перестала со мной разговаривать, налетела на булочки и чай.

Следующие десять минут все ели молча, лишь изредка звонкий голос брюнета выдавал новую издевку в адрес Антона, который стоически его игнорировал.

На кухне появилась старушка. Маленького росточка, курчавые седые волосы обрамляют круглое лицо с ярким румянцем (возможно, искусственным; в пользу этой версии говорили накрашенные красной помадой губы), вязаная кофта на пуговицах настолько длинная, что доходит почти до колен и закрывает половину черной клишированной юбки. Бабка будто сошла со страниц детских сказок. Однако я не спешила расслабляться, вспоминая, что не все сказочные бабулениции были добрыми.

– Здравствуйте, мои хорошие! – растягивая рот в улыбке, громким голосом поприветствовала она нас.

– Здравсьте, – ответили все, кроме меня, почти хором, растягивая гласную «а», словно в детском саду.

Опомнившись, я кивнула, встретившись взглядом со старушкой. Блин, я забыла, как ее зовут, ведь читала в статье про рэпера.

– Девочка моя... – бабка помедлила, словно вспоминая имя, но боясь в этом признаться, – Эллочка!

– Эллочка-людоедочка, – тут же подсказал брюнет-балагур. Блондин с пепельной весело хмыкнули в ответ на шутку. Удивительное дело, я была уверена, что гламурная деваха даже не знает, на какое произведение (или фильм – кому что больше нравится) он ссылается. Впрочем, ничто не мешало ей просто повторить за блондином или же среагировать на само слово «людоедочка», не вникая в сложные аллюзии.

Я кивнула пожилой даме, подтверждая, что она помнит мое имя верно.

– Твои вещички-то в дверях?

– Там рюкзак, – опомнилась я. Когда стало понятно, что меня поведут на кухню, ведь звуки посуды и разговоры доносились и до прихожей, я решила оставить рюкзак прямо там, на тумбе, откуда брала тапочки, полагая, что мы лишь поздороваемся с гостями дома и очень быстро вернемся. Я никак не ожидала, что за пятнадцать минут до запланированного мероприятия мы сядем тут чай распивать.

Поняв, что оставила свои ценные вещи (последние семь тысяч!) без надзора, я перевела взгляд на Антона. Я ведь просто повторяла за ним. Рюкзак пришлось скинуть с плеч, когда я снимала кожанку и вешала ее в шкаф, как и он, толь-

ко вот из вещей у него всего лишь поясная сумка, которая осталась при нем.

– Пойдем, провожу тебя в твою новую комнату. Этот-то прохиндей знает, что я берегу для него его каморку! – Тоша радостно хихикнул, вовсе не обидевшись на слово «прохиндей», но тон, каким одаривала бабулька людей и предметы разными эпитетами, и не предполагал никаких негативных эмоций. Она говорила любя. – А твоя обожаемая комната переживает ремонт. – Старушка развела руками, глядя на меня.

Брюнет снова встрял:

– Людоедочка три раза в ней останавливалась, и той уже ремонт потребовался! Поосторожнее надо с чужим добром!

На этот раз засмеялись все, кроме меня и хозяйки дома.

– Нет-нет, – отмахнулась она от этакой глупости, – комната давно просила ремонта! – Я поднялась, и бабка сказала мне: – Идем.

Я пошла за ней обратно через длинный коридор. Мы вернулись в прихожую, и я забрала рюкзак.

– Похудела ты за лето, – заметила пожилая женщина, кинув на меня взгляд через плечо.

– Разве? – спросила я, следуя за ней вверх по ступенькам. Я пыталась вспомнить, была ли разница между мной и сестрой в весе. Настолько значительная, чтобы малознакомые люди определили на глазок? Вряд ли. Мы обе стройные, поэтому взвешиваться каждый день не входит в наши при-

вычки.

В следующий миг я подумала, что на момент исчезновения Эллы мы, скорее всего, были одинаковыми, как и всегда, но вот из-за стресса я почти ничего не ела все последние пять недель. Так что дело вовсе не в том, что мы с сестрой непохожи, а в том, что я непохожа сейчас на саму себя.

– Я могу поселить тебя с Ириной, – замерев в нерешительности возле первой двери второго этажа, предложила старуха. – Если тебе так веселее.

– Мне лучше одной, – честно ответила я, стараясь загасить в голосе страх. Я и так хожу по острой грани разоблачения, а если мне придется делить пространство с девушкой, которую я совсем не знаю (боже, я даже не уверена, что Ирина – эта та самая рыжая, которая теперь не совсем рыжая)... Короче, будет как в анекдоте, «Штирлиц еще никогда не был так близок к провалу».

Старушка задорно хихикнула, мол, понимаю и повела меня дальше. Хотя чего бы ей понимать? Могла жить одна в гигантском доме, а вот, однако ж, устроила из жилища музей и приглашает сюда кучу разных незнакомых людей.

Мы остановились возле двери и сразу зашли внутрь, так как она была не заперта. Угловая комната. Очень светлая, благодаря наличию двух окон. На полу светло-коричневый ковролин. Покрывало на довольно широкой кровати тоже коричневое, с ворсом. Обои однотонные, светло-бежевые. Возможно, именно по этой причине комната казалась такой

светлой.

– Ну, что скажешь? Лучше твоей прежней?

Я огляделась еще раз, якобы сравнивая.

– Безусловно! – сказала то, что она, скорее всего, хотела услышать.

– Ну та-то поболее будет...

Только не делай удивленное лицо... Почему она так пристально смотрит? Будто подозревает меня в чем-то?

– За счет света этого и не скажешь, – выкрутилась я. Хотя если та ремонтируемая комната больше в два раза, то аргумент – так себе, на троечку. Если бы я играла в мафию, меня бы уже заголосовали. Но в то же время логика подсказывала мне, что не стали бы в гостевом доме с кучей спален делать помещения настолько разными по размеру.

– Да, ты права, комната хорошая, именно тем, что тут два окна, потому Наташе и нравилась. Но теперь твоя будет.

Хотела я спросить, куда подевалась Наташа, но вовремя сдержалась. Вдруг я должна это знать?

Открыв галерею в телефоне, куда я перекинула фотки с компа, я прошлась еще раз по лицам. Здесь были все, кроме русоволосой девушки с косой до пояса. Но, конечно, не факт, что она Наташа. Сюда вполне могут приезжать и разные люди, необязательно, что они всегда в одном сборе.

Спрашивать, где туалет, я не могла, ибо Элла уж точно осведомлена, поэтому пришлось дожидаться, когда старушка покажет мне, где тут лежат полотенца и постельные

принадлежности, и выйдет из комнаты. Я выждала пару минут, затем высунула нос в длинный коридор, освещенный единственным бра на стене и большой хрустальной люстрой холла. Никого. Интересно, на весь дом только один туалет? Вряд ли. Скорее всего, они есть на каждом этаже, и не факт, что по одному. Надо просто найти.

С неудовольствием обнаружив, что дверь никак не запирается с внешней стороны, я просто ее прихлопнула и пошла по коридору к лестнице. Возле моей двери по торцевой части дома была еще одна дверь, но расстояние от нее до угла было слишком большим, чтобы думать, что это всего лишь санузел. Скорее всего, это еще одна спальня, примерно такая же, как и моя, а скорее немного больше. Поэтому я пошла сразу обратной дорогой вдоль резных перил.

Длинный коридор, как я уже говорила, огибал этаж по периметру и заканчивался лестницей, слева были двери, а справа виден холл. Все двери, однако, плотно закрыты, да и внешне ничуть не отличались друг от друга, а я все-таки надеялась, что места общего пользования будут как-то обозначены. В итоге пришлось открывать каждую дверь. Наружного замка, как я вскоре смогла убедиться, не было не только на моей двери – на каждой. Открывая двери, я поняла, что все спальни уже обжиты, кроме одной: та была пуста, в воздухе витал запах краски и растворителя, а кровать стояла разобранная возле стены (очевидно, это комната Эллы). За остальными же я наблюдала примерно одинаковую кар-

тину: валялись вещи на кроватях и креслах или стояли сумки прямо на полу. Наконец я нашла-таки санузел – соседняя с моей дверь, только с другой стороны. Проверять комнаты я начала с первой от лестницы (все моя девичья память, я ведь знала, что там Ирина спальня, но все равно ее приоткрыла), поэтому по закону подлости нужное помещение оказалось за последней дверью (точнее предпоследней, если считать дальнюю комнату, до которой я так и не дошла).

Я пустила в раковине воду, пытаюсь отдышаться. До того момента, как мне определили «мою» спальню, все это казалось легкой авантюрой, невинным развлечением в поисках правды, но сейчас я вдруг поняла, что все серьезнее некуда. Я собираюсь обманывать этих людей. Прикидываться сестрой. Лицемерить. Быть не собой и так тяжело, а когда еще и обман ложится тяжким грузом на твою совесть... А ведь есть еще и опасность. Возможно, один из них знает, что я – не та, за кого себя выдаю.

Мне послышались шаги по коридору, но шум воды их сгладил, и я в итоге не могла поклясться, что мне не показалось. Однако не стоит тут засиживаться. Нам нужно идти в замок. А кто-то, возможно, стоит под дверью и ждет своей очереди перед представлением – или чем там... Я хотела умыться, уже набрала в руки холодной воды, но быстро вспомнила, что мне нельзя – макияж. Не знаю, насколько мой *smoky eyes* похож на то, что делала сестра, мне даже пришлось найти инструкцию в интернете о том, как именно

накладывать тени и какой ширины должна быть полоса под-
водки. Как все сложно!..

Я закрыла кран и вышла. Хотела уже спуститься к осталь-
ным, но заметила, что дверь моей спальни приоткрыта. А я
ведь ее точно закрывала очень плотно. Могла она открыться
сквозняком? Но каким? Окна в комнате закрыты. Я тут но-
силась довольно долго, выискивая туалет с ванной, и дверь
не открывалась. Почему же сейчас...

Я стремительно вошла в комнату. Никого. На всякий слу-
чай решила проверить свои сбережения. Кстати, кому отда-
вать деньги? Может, на ночных посиделках их и будут соби-
рать? Нужно взять с собой.

Короче, я полезла в недра рюкзака в поисках кошелька,
а в руки попался белый сложенный пополам лист бумаги.

Что это? Может, я из дома случайно какую-то бумажку
прихватила?

Я развернула лист. Нет, явно не из дома... Из вырезан-
ных из газеты заголовков было сложено предложение – пря-
мо как в произведениях о Шерлоке Холмсе.

«УЕЗЖАЙ НЕ ТО ХУЖЕ БУДЕТ»

– Все готовы? – встретил нас в дверях дома тот самый дя-
дечка с фотоснимка. Судя по тому, как к нему обращались
(Сергей Петрович), это и был господин Макаров – учреди-
тель фонда, от имени которого делалась рассылка.

Я оставила письмо с угрозами в комнате, убрав в боко-

вой карман рюкзака, а сама, спускаясь, открыла со смартфона форум Павлецкого. Новых сообщений не было. Однако, когда я открыла переписку, я увидела надпись «сообщение просмотрено». Значит, Зайчик2020 форум посещает и письма читает. Быть может, он сегодня здесь? В общем, я дождалась, когда соберутся абсолютно все участники, и прямо под бодренькое «Все готовы?» отправила новое сообщение этому же адресату. Я натыкала первые попавшиеся символы и нажала «Отправить» – просто в надежде на то, что ему – или ей – приходит оповещение о новых ЛС. И стала внимательно смотреть по сторонам. Народ обувался – из тех, кто еще не был обут. Народ накидывал ветровки – из тех, кто еще не успел этого сделать. Остальные же дружно выходили следом за Макаровым, чтобы не мешать. И никто – никто! – не полез в свой телефон. Но это еще ничего не значит. Выключены оповещения, отключен интернет или звук с вибросигналом – да все что угодно. Глупо было надеяться. Но надо же что-то предпринимать!

По узкой для такой оравы людей мраморной плитке мы шли в сторону замка. Наконец-то я его увидела вблизи. Подсвеченный снизу, он казался загадочным и будто призрачным. Словно моргнешь два раза – и он исчезнет. Через высокие и узкие стрельчатые окна, казалось, за тобой наблюдают хмурые тени. Первый этаж замка, высотой метров пять, был почти готов, только вместо входных дверей – лишь недостроенные ступени крыльца и проем. А вот в небо замок упи-

рался неровными краями серого камня, словно клыками, которыми старался откусить очередное облако светлым днем, а ночью втягивал в себя кисель темноты.

Чтобы получше объять замок глазами, я стала отступать и споткнулась, задев какие-то кирпичи, видимо, не убранные строителями, и, несомненно, упала бы, если б не чья-то крепкая мужская рука с отличной реакцией ее обладателя. Я обернулась – в роли спасителя оказался давешний блондин. Может, мне показалось, что он настроен ко мне (читай: Элле) негативно? Чего я на парня взъелась?

– Спасибо, – мило улыбнулась я.

Он нахмурился и отдернул руку, словно вспомнив, что я прокаженная, затем, ничего не ответив и даже на меня не посмотрев, отошел в сторону. Невежливо как-то!

– Даже не думай! – тут же мне в ухо шикнула Ирина. Да, это именно та полноватая девушка, которая кинулась меня обнимать. Я видела, как она выходила из первой комнаты, и теперь уже точно знала, что ее так зовут.

– Ты о чем?

– Я о Саше!

Господи, кто такой Саша? Тот самый блондин? Или это кто-то третий, кто связан с нами обоими? Или Саша – это вообще она, а не он? Дурдом. Не спросишь же напрямую!

На всякий случай я кивнула, мол, согласна.

Мы почему-то не торопились заходить. Все смотрели на Сергея Петровича, не решаясь задавать ему вопросы.

Я тоже молчала.

– А вот и последняя участница, – возвестил он, глядя за наши спины.

Я обернулась. Какая-то женщина лет тридцати пяти, может, сорока (в темноте плохо видно), подходила к нам. Шла, видимо, сразу от калитки. Черные завитые волосы, черная ветровка с капюшоном, черные прямые брюки. Женщина то ли обожает этот цвет, то ли любит быть незаметной. А может, ожидает запачкаться. Я вот даже не знаю, куда я иду и зачем. Что там внутри, в этом замке? Что нас ждет? Охота на монстров или соревновательные бои в грязи?

– Вы Леонелла? – спросил он у новоприбывшей.

– Это я.

Мы сдали деньги, Сергей Петрович помечал галочкой каждого в своем списке, затем наконец вошли в замок.

Внутри недостроенного здания был огромный холл – в этой части уже имелся потолок первого этажа. В ряд стояли стулья, за ними – пуфики и кресла-груши. На полу лежал полосатый коврик, по виду чистый, захотелось даже разуться. Уличной двери здесь не было, как я уже отметила, да и вешалок тоже, поэтому никто не раздевался. Стулья были развернуты в сторону одной из стен, к ней почти вплотную стояло удобное на вид кресло и маленький столик с бутылкой воды – кто-то явно подготовился долго разговаривать. Приглядевшись, я заметила черный ноутбук, лежащий на этом столе темного дерева.

– Приветствую всех собравшихся! Эти каникулы я решил начать с «Ночи страшилок», так любившейся вам в прошлый раз. Так как это новый проект, я в двух словах поясню, что это значит, тем более сегодня с нами новые лица. – И в эту секунду взгляд его темно-синих глаз, будто пронизывающих насквозь, словно рентгеновское излучение, уперся прямо в меня.

В первое мгновение я едва не кивнула, мол, да, я впервые с вами, но тут до меня дошло. Они должны думать, что я Элла! Как он узнал, что я – это я?!

Меня бросило в горячий пот, и вовсе не по вине жары – ночь выдалась холодной, а стены с отсутствующей дверью не спасали от ветра. Я лихорадочно искала решение, перебирая все свои мысли, крутящиеся в голове так быстро, словно они были спицами вдвигающемся колесе. Я должна их разубедить. Все должны думать, что я Элла. Но как ему сказать? Выкрикнуть прям в зал: «Постойте, я не в первый раз здесь!»

А потом он попытается поймать меня на лжи и предложит громко, на весь зал, поднявшись с места, словно ученик на уроке, рассказать, что было в прошлый раз. А я ведь даже примерно не представляю себе формат данного мероприятия!

Следующая мысль-спица меня немного утешила: «Подумай логически, как он мог понять, что ты – это ты? Даже если это он схватил Эллу и держит где-нибудь в подвале, он же не будет в этом признаваться в открытую. Значит,

он имел в виду что-то другое!» В общем, движимая этой мыслью, я наконец додумалась обернуться и тут-то и заметила, что женщина, присоединившаяся к нам только что, села прямо за мной во второй ряд. То есть Макаров смотрел на нее, а не на меня!

Я тут же выдохнула, а ведущий – или как его правильно сейчас называть – продолжил говорить:

– Итак, последователи Павлецкого совершенно случайно в прошлом году отыскали на территории его дневник. Правильнее сказать – журнал, потому что там было больше набросков новых песен, чем каких-либо воспоминаний. Однако имелись и они, воспоминания, которые мы называем меж собой «заметки на полях». Дату Ян проставлял всегда, ввиду чего некоторые все-таки именуют журнал дневником. Так вот, оказалось, что Павлецкий за год до смерти начал видеть какую-то, как он сам выражается, чертовщину. Часть из увиденного и услышанного он даже изобразил в песне «Я уже в аду». Мы решили устроить чтение этих страшных или по меньшей мере странных записей и превратить их в обсуждение. Формат близкий к «байкам у костра», с которым знакомы люди моего поколения. Это когда деревенские собирались у костра под песни под гитару, и не всегда, замечу, присутствовал алкоголь! Да-да, а то, я смотрю, тут многие заулыбались. Нет, это сейчас молодежь не может себе представить такого, чтобы встретиться и не выпить, хотя бы по бутылке пива. Но у нас это было, скорее, исключением.

– У нас тоже пиво редкость. Чаще косячок! – заржал брюнет.

– Осуждаю тебя, – улыбаясь, молвил блондин. Ну, хоть кому-то он улыбается!

– Правильно делаешь, что осуждаешь своего приятеля, – поддержал Сергей Петрович. – Наркотики, даже легкие, очень вредны и вызывают привыкание, кто бы что ни говорил. Но разговор сейчас не об этом. Я пытаюсь объяснить формат этих встреч.

– «Байки из склепа»! – это снова брюнет.

Все хихикнули.

– «Сверхъестественное»! – подсказала теперь Ирина.

– Не смотрел, – пожал плечами Макаров, – может быть, и так. Первое смотрел, но не помню. Это что-то вроде «Секретных материалов»? Вот их я точно смотрел. Но это все художка, вымысел, а у нас – реальность и формат именно обсуждения. Каждый будет предлагать свою версию, как он ее видит. Допускаются как рациональные объяснения, так и иррациональные. Никто никого не троллит, как у вас это называется, все остаемся толерантны к чужому мнению! Радикальный атеизм и скепсис, как и радикальный фанатизм крайне не приветствуются! Чтобы максимально насладиться нашими встречами, я настойчиво рекомендую оставаться открытыми к любой версии, в общем, be open-minded, как говорят англоязычные люди.

Чем больше Сергей Петрович говорил, тем сильнее он мне

навился. И плевать на его излишнюю потливость и выпирающий животик. Я тоже не могла отнести себя к стопроцентным скептикам (вспомнить хотя бы наши с Эллой предчувствия по поводу мамы), хотя и сразу верить во всякую чушь никогда не спешила. Но дело даже не в призывах быть гибкими, а в том, как он в принципе разговаривал. За его речами чувствовалось глубокое знание психологии и неплохое образование. То, как он пытался сплотить нас всех, – это очень подкупало.

Итак, он открыл, по всей видимости, отсканированные страницы журнала Павлецкого на своем компьютере и стал зачитывать одну из записей.

– Дата: 12 июня. «Сегодня ночью я снова услышал ржание коня. Отдаленное, оно будто заигрывало со мной, заманивая меня пойти искать источник. И вместе с тем довольно близкое, ведь в доме установлены дорогие стеклопакеты, работал кондиционер, и окна были закрыты, но я все-таки услышал. Я решил побороть себя, не как в прошлый раз, и подойти к окну. Я встал и усилием воли отдернул занавеску. На участке никого не было. Поняв, что я просто схожу с ума и надо переходить на здоровый образ жизни, пока не пришлось лечиться, я вернулся в постель. Через какое-то время ржание повторилось. Я поднялся и уже быстрее оказался у окна, которое не стал зашторивать. И как же я пожалел! Слуховые галлюцинации для нервов гораздо лучше, чем зрительные. Их хотя бы всегда можно на что-то списать. А то,

что я увидел, уже ни на что не спишешь. Женщина! Она излучала белый свет, передвигаясь по моему участку. Я думал, что умру – так сильно забилося сердце! Дойдя до угла участка, призрак растаял...» – Макаров прикрыл крышку ноутбука и повернулся к нам. – Итак, у кого какие мнения на сей счет? Что конкретно он видел?

Блондин, вспомнив, что он лидер, заговорил первым:

– У меня, как обычно, рациональная версия. Ян пишет что-то про переход к ЗОЖу, наверняка это намек на наркоту.

– Да-да, – поддержал друга брюнет. – Он, короче, обкурился. Вот и привиделось.

– Хорошо, Тимур, вашу общую мысль я понял. У кого еще мнения? – ничуть не обидевшись на предыдущую версию, спросил Сергей Петрович.

– А я, – заговорила Ира, – думаю, что здесь все-таки мистика. Он реально что-то видел! Одно дело – конь, может, их тут держат в деревне, но белая женщина, которая просто растворилась! Это как? Он же не придумал это!

– Угу, – кивнул Макаров, – принимается. Дальше!

– Его разыграли, – с нажимом сказала брюнетка в наколках и как-то странно посмотрела на меня. – Звуки на магнитофоне записаны были. И баба переодетая по двору бегала.

– Розыгрыш, – кивнул Макаров, – принимается. Дальше.

– А я не думаю, что розыгрыш, – заговорила платиновая девка с губищами, сидевшая снова рядом с блондином. – Это известная «Женщина в белом»! Она многим является.

Даже книга такая есть, я слышала. Написанная про этого призрака. Так и называется. «Женщина в белом»!

– Ты про Уилки Коллинза? – уточнил блондин с сомнением в голосе.

– Ща! – Платиновая натыкала что-то гигантскими ногтями, явно искусственными, в экране айфона. – Да!

– Это не про призрака. Это про женщину, сбежавшую из сумасшедшего дома. Она в белой одежде.

– Нет! Я же слышала!

– Алена, ты путаешь...

– Алена действительно путает, – влезла я, – произведение известного романиста Коллинза с Белой Женщиной – расхожим образом призрака, который встречается в англосаксонском, германском и славянском фольклоре. Белая Женщина часто отождествляется с Банши – из ирландского фольклора.

В замке повисла тишина.

– Молодец, Элла, – похвалил меня Петрович. – Приятно, что молодежь интересуется мифологией.

– Ой, я просто часто «Сверхъестественное» пересматриваю, – отмахнулась я. Надо быть осторожнее, Элла ведь не такая начитанная. Мягко сказать. Увидеть ее с книгой в руке или с открытым сайтом «Википедия» – это значит, что рак на горе наконец-то свистнул.

– Продолжай, Алена...

– Короче, – блондинка наконец отвлеклась от созерцания моего лица, которое она хотела прожечь своими голубыми

глазищами насквозь, – я думаю, может, он записал это на видео? Его телефон проверяли? Ведь призраки, когда они настоящие, записываются на видео! Ну, это все говорят... – добавила она уже неуверенно.

М-да, логика у девушки потрясающая. По всей видимости, силикон влияет на когнитивные способности головного мозга.

– То есть, – язвительно сказал брюнет, сидевший от нее через одного человека – блондина, – если бы это реальный человек глумился над Яном, как подумала Мила, он бы не записался на камеру?

Все засмеялись.

– Человек-невидимка, ну! – поддержал шутку блондин.

Алена обиделась на издевки друзей и демонстративно пересела, хотя виновата была сама. Интересно, они пара с блондином? Хотя какая мне, в сущности, разница? Они под стать друг другу.

– Элла, а как ты считаешь? – к сожалению, обратился Марков и ко мне. – Ты сегодня какая-то тихая. В прошлый раз у тебя была четкая позиция.

Отлично. У сестры была четкая позиция. Знать бы какая. Мнения явно разделились. Хоть ведущий или учитель (почему-то хочется его так называть) просил нас быть толерантными и по возможности не спорить, просто выдавать разные версии, однако мы ожидаемо разбились на два лагеря – скептики и мистики. Может, он и вовсе не такой хороший пси-

холог, как я подумала вначале.

– Может оказаться так, что это галлюцинации на почве переутомления, – решила я высказать свою настоящую точку зрения. И будь что будет. – Я однажды тоже не спала три ночи кряду и видела в итоге что-то похожее.

– Че это ты не спала три ночи? – проявила любопытство Ира.

– Готовилась к э... – Я чуть не ляпнула «экзамену», но ведь это непохоже на Эллу!

– К чему? – продолжала допытываться подружка. Чтобы вжиться в роль, так и буду ее называть – своей подругой.

– Э-э... – протянула я, делая вид, что в первый раз «э» тоже было всего лишь междометием, а не началом слова. – Не важно, это тайна! – Кривляясь, я даже палец к губам приложила.

– Понятно, – фыркнула Мила. – Типичная Элла! Везде у тебя тайны мадридского двора!

Она даже руки на груди сложила в знак неодобрения и вроде даже обиды. Интересно, какой конкретно тайны «типичной Эллы» ты испугалась, когда увидела меня сегодня на пороге кухни?..

– Мила, давай товарищам возможность закончить свою мысль, – поругал ее Сергей Петрович голосом детсадовского воспитателя, – а потом уже комментируй. Мы же говорили об этом!

– Но эта, – кивок в сторону Иры, – тоже перебила ее! Пер-

вая! А ругают всегда меня!

– Эту зовут Ирина, и она не перебила, а уточнила для лучшего понимания рассказа. Ты тоже могла задать наводящий или уточняющий вопрос. Но ты предпочла едкое замечание. А для этого отводится другое время – после речи участника. – Мила молча опустила голову, признавая поражение. – Элла, продолжай, пожалуйста.

– В общем, – спасибо Миле и Ирине, я за это время придумала, как мне выйти сухой из воды, – мы все знаем, каким трудоголиком был наш любимый Ян, он вполне мог сильно устать и по вине перенапряжения и недосыпа увидеть то, что увидел, и услышать то, что услышал.

– Хорошо, – кивнул Макаров, – стресс. Это следующая версия, так и запишем. – Он реально записывал все наши ответы. Ума не приложу зачем. Он что, диссертацию потом защищать будет? – Кто-нибудь еще хочет высказаться? – В зале тишина. – Леонелла, если не ошибаюсь? – обратился он к женщине, сидящей за моей спиной.

– Да.

– Хотите что-нибудь сказать по теме?

– Я бы предложила какую-то версию, но у меня недостаточно исходных данных, – с грубой уверенностью, слегка подходящей я бы даже сказала на дерзость, заговорила женщина некрасивым низким голосом. – Это как давать решение и ответ, не имея «Дано».

– А каких данных вам не хватает?

– К примеру, есть же бабушка у Павлецкого. Почему бы ее не допросить? Она же лучше знает, спал или не спал он те дни, когда видел это, как предполагает последняя девушка. И употреблял ли что-то запрещенное, как сказали первые мальчики. И чем он вообще был занят в этот день. Он же написал дату! И мог ли кто-то к нему прийти и подсыпать что-то. У кого были ключи. Ну и так далее...

Судя по сленгу, женщина была или учительницей (все эти «дано»), или следователем («допросить»). А может, она преподавала в какой-нибудь школе МВД?

– Замечательно! – чему-то обрадовался наш «главный». Наверно, тому, что кто-то реально хочет разобраться. А все остальные, по его мнению, не были настолько заинтересованы. – Только вот Павлецкий жил в это время один и со своей бабушкой, Таисией Арсеньевной, практически не общался. Она жила со своим вторым мужем гражданским браком, и этого человека Ян недолюбливал. Это знают все его преданные фанаты. – Несмотря на смысл фразы, прозвучало это не с укором, а просто для справки. Но может, укор предполагался, но был тщательно завуалирован.

Леонелла, однако, отстояла себя:

– Я заинтересовалась творчеством этого мальчика тогда, когда он ударился в политику, то есть за полгода до его кончины. А то многие молчат! Страна рабов! А более раннее его творчество я не изучала.

– Хорошо, только давайте придерживаться правила –

без политики. Да, Павлецкий в последние полгода только о ней и писал, но мы будем исследовать его творчество именно как творчество, без собственных оценок. Договорились? – Сидящие кивнули. – Ладно, раз все высказались, а Антон наш, как обычно, будет думать всю ночь и даст ответ только утром, – все хихикнули, видимо, так было и в прошлый раз, – объявляю перерыв пятнадцать минут. Затем читаем и обсуждаем еще одну запись, и на этом сегодняшние мероприятия закончатся. Отправитесь спать. Да! – пресек он возможные споры. – Не гулять, а спать, потому что завтра с утра репетиция!

«Господи, – поныла я мысленно, – с самого утра какая-то репетиция. Нужно свериться с расписанием, я вообще об этом забыла. Надеюсь, подготавливаться заранее не надо было? А то сольюсь очень быстро. В лучшем случае надо мной поржут, в худшем вычислят, а там уж как повезет».

В перерыв я решила не возвращаться в дом, а прогуляться по территории. Благо что все дорожки были худо-бедно освещены садовыми фонариками. Вблизи я смогла их рассмотреть, и возле недостроя они были в форме маленького замка. Так мило... Возле гостевого дома и калитки – обычные фонари цилиндрической формы, а вот дальше, за замком – стеклянные лилии и колибри с вставленными диодами, которые ярко светили, переливаясь всеми цветами радуги.

Итак, на участке (или участках) из зданий был еще сарай и небольшая баня из деревянного сруба. Обходя баню, я све-

рялась с часами в телефоне, потому не заметила, что я здесь не одна, и в итоге врезалась в блондина. Опять этот тип, будь он неладен!

– Ой, – от неожиданности выдала я. – Снова ты, – фыркнула себе под нос, собираясь молча его обойти и вернуться уже к замку, но он остановил меня, довольно грубо схватив за руку.

– Что ты здесь делаешь?

Неожиданный, однако, вопрос!

– В смысле? Гуляю. Или ты имеешь в виду не сейчас, а вообще?

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Так что ты здесь делаешь?

Я посмотрела в его глаза. Строгий, напряженный взор. Он реально спрашивает о чем-то серьезном. Все шуточки разом выветрились из моего сознания. Он что-то знает! И он на что-то намекает! Но как заставить его сказать больше?

– То же, что и ты! – с вызовом ответила я, продолжая разглядывать его лицо.

Правильные черты исказились удивлением, уровень которого походил скорее на шок. Что его так поразило?

– Что?! – выдал он секунд через пять, настолько был парализован моим ответом. – Что ты несешь?

– Это ты что несешь? «Уходи, не то хуже будет»! – передразнила я текст записки, идя ва-банк, ведь я совсем не была уверена, что это написал и подбросил именно он. Скорее

всего, даже не он, ведь те, кто предъявляет тебе претензии в лицо, и те, кто тайком подбрасывает угрожающие записки, предпочитая оставаться в тени и запугивать издали, – это совершенно разные категории людей. – Детский сад какой-то!

– О чем ты говоришь?!

– О записке, вот о чем! Это ты мне ее подбросил.

Он в растерянности молчал. Затем медленно покачал головой.

– Во что ты опять вляпалась?

Вот оно! Мое сердце забилось быстрее. Кто бы мог подумать, что суровый блондин, вечно всем недовольный (будем честны – конкретно мной) являлся Эллиным доверенным лицом? Ведь фраза «Во что ты опять вляпалась» означает, что он в курсе каких-то ее предыдущих проделок. Но я не могу ему доверять всецело. Хоть он и ведет себя так, будто уверен, что я Элла, а значит, не может быть причастен к исчезновению. Но ведь не факт, что если я ему скажу, кто я, то он будет откровенен со мной. Я думаю, что больше информации я получу под видом Эллы.

– Ты знаешь, что тут творится что-то странное? – понизив голос до заговорщицкого шепота, кинула я пробный камень.

Он снова помолчал, внимательно меня разглядывая. Затем в его серых глазах заплескался луч догадки.

– Если ты специально это выдумала, чтобы... – Он закатил глаза. То есть я сама должна понимать, что он имеет в виду?

– Нет, – на всякий случай сказала я.

– Ладно, тогда после этого, хм, спектакля, – кивнул он в сторону замка, – зайди.

Сказав это, он резко развернулся, чтобы уйти, даже не дождавшись от меня ответа, будто был уверен, что я не стану спорить и обязательно прибегу по первому его зову. И я бы, кстати, прибежала – по своим мотивам, конечно, а не по тем, что он вообразил себе, – только существует одна загвоздка: я не знала куда!

– Стой! – взмолилась я, обращаясь к его спине.

– Ну? – бросил он через плечо. Вот самоуверенный индюк! Даже обернуться полноценно не может. Ниже его достоинства, надо полагать!

– Какую комнату тебе выделили? – Это ведь безопасный вопрос? Плохо, если окажется, что он селится всегда в одну и ту же, и так мне и ответит. Что я буду делать?

– Как обычно, – с раздражением ответил он. Вот! Я же говорила! Но не успела я помучить свой мозг, выдумывая вопрос, который не будет подозрительным, но вместе с тем прояснит ситуацию, как он продолжил: – Последняя дверь по коридору. И если я правильно понял, – он наконец обернулся на меня, – мы теперь соседи.

– Санек, ты где? – донеслось от замка. По всей видимости, брюнет по имени Тимур потерял своего драгоценного друга.

Блондин молча вернулся к своим друзьям, и я, осмотревшись еще раз, но не найдя больше ничего примечательного,

очень быстро последовала за ним.

Вторая часть «спектакля», как выразился Александр, прошла для меня словно в тумане. Сергей Петрович, очевидно, любил последовательность, и вторая озвученная им запись датировалась 14 июня.

– «Вчера я снова видел даму в белом у себя на участке ночью. Этой же ночью мне приснилась Инна». Инна, как вы помните, – заговорил «от себя» Макаров, прервав ненадолго чтение, – это соседка Павлецкого, увлекавшаяся конным спортом. У них был короткий роман, и после их ссоры, во время которой он пожелал ей провалиться, она каталась на коне и разбилась.

– Как же так? – удивилась Леонелла. – Если увлекалась этим видом спорта, значит, была хорошей наездницей!

– Нет, она любительница, а конноспортивный клуб держал ее родственник. Он тут в пятнадцати километрах, можете посмотреть на карте, до сих пор функционирует. Поэтому она брала любимого коня, скакала сюда, в деревню, и потом обратно. Мы разговаривали с родней Инны, они все подтвердили. Конь отчего-то сбросил ее, девушка сломала шею, упав в канаву, мгновенная смерть. И вот Ян всю оставшуюся жизнь винил себя в ее смерти. Если вас интересует и другое творчество Павлецкого, не только политота, – обращайтесь Сергей Петрович к одной лишь Леонелле, – то советую песни «Я не с тобой» и «Гложет, гложет, гложет». Все исследователи творчества Павлецкого утверждают, что эти песни он

посвятил Инне.

– Их было больше, – заявил вдруг Тони.

– Да, конечно, я уверен в этом. Но это, так скажем, официально признанные. Итак, продолжим. «Чувство вины опять вернулось. Гложет и гложет, как в моей песне. Зачем ты му-чаешь меня, Инна? Чего ты хочешь?»

В общем, эта запись была куда длиннее, Ян еще много говорил про Инну и их отношения, поэтому я для вас сокращаю: он отправился на кладбище, чтобы проверить свои подозрения (ему казалось, что Инна что-то хочет ему сказать с того света), и там заметил какую-то тень. А потом между деревьями, окружавшими кладбище, увидел что-то белое – снова. Он уверился в том, что это призрак Инны, и хотел догнать, но тут подул сильный ветер, в лицо ему прилетела какая-то ветка, а когда он снова посмотрел вперед – дамы в белом уже не было.

Все кинулись активно обсуждать новый случай из журнала. Но не я. Потому что, как я уже говорила, мою голову занимали другие вещи и переключиться было сложно. Вместо того чтобы выдвигать версии, я лишь слушала других, и когда до меня дошла очередь, я просто ответила: «Я – пас». На удивление, наш лидер не стал возмущаться и требовать от меня хоть какого-то ответа по теме. В принципе хороший лидер так и должен делать, тем более мы не на экзамене, это просто дискуссия, и слава богу, что он это понимал. Когда после меня он обратился к Саше, тот почему-то скопи-

ровал мой ответ, не слово в слово, а просто сказал: «Я тоже». Ему-то что мешало внимательно слушать и выдвинуть в итоге какую-то версию? Но я не стала особенно долго размышлять над этим. Вечер близился к концу, и скоро я все равно получу от него все необходимые ответы.

Мы разошлись в начале первого. Когда мы с Ириной, Антоном и Леонеллой зашли в дом (остальные общались на участке), оказалось, что Таисия Арсеньевна еще не спит, что весьма удивительно для женщины ее лет. Видимо, она и в старости оставалась совой. Старушка предложила Леонелле маленькую комнатку внизу, и та с радостью согласилась. Ждать, пока ее разместят с комфортом, мы с Ирой не стали и поднялись наверх, разойдясь в итоге возле ее двери. То есть подружка-то предложила зайти к ней на вечерний питьевой йогурт, которые она в огромном количестве привезла с собой (видимо, считает, что от них худеют), но я отказалась, сославшись на головную боль. Ирина удивилась: очевидно, для нее и Эллы это был своеобразный ритуал на ночь, но у меня имелись другие планы, и я пошла к себе.

Я нервно выхаживала по комнате, пока наконец не услышала шаги мимо моей двери. Где-то поблизости хлопнула дверь. Если со звуковым ориентированием в пространстве у меня все в порядке, то это дверь соседа слева. Я дала ему пять минут передохнуть, вышла из своей комнаты и тихо постучалась, зорко глядя по сторонам: не хотелось, чтобы кто-то застучал меня входящей в Сашину спальню на ночь гля-

дя. Но дом почти сразу по возвращении всех гостей из замка погрузился во мрак и тишину. Только бра на стене нашего балкона-коридора давало немного света, опускающегося и на первый этаж. В холле-прихожей гигантская люстра потухла, и не было других источников освещения, но, возможно, в коридоре дальше тоже висели бра.

Блондин открыл дверь, даже не спросив, кто за ней. Посмотрев мне за плечо, уж не знаю, кого ожидая увидеть, он пропустил меня внутрь, ничего не сказав. Я уже привыкла к его манере общения и не удивилась.

Его комната была больше моей. Кровать закрыта пологом с занавесками, в центре спальни два кресла и журнальный столик, что делает ее более похожей на гостиную, а перед столом вообще свободное место, будто танцпол. Шкаф стоял возле кровати в дальнем углу.

Он сел на кресло, положил руки на подлокотники и в ожидании уставился на меня.

– Ну?

Он хочет, чтобы я стоя рассказывала? Я подготовилась к разговору и записку сунула в карман джинсов, сложив в несколько раз. Только вот пока до конца не была уверена, что стоит ее показывать, хоть и говорила уже о ее наличии. Короче, я, пребывая пока в замешательстве, села рядом с ним в другое кресло, думая, что конкретно сказать или спросить, чтобы не выдать себя.

– Что ты делаешь?! – опять удивился он. Да что ж это та-

кое! Элла что, никогда не садилась в это кресло? Прямо принципиально, да?

– Сажу, а что? – с вызовом ответила я, так как меня это уже начало сильно напрягать.

Он ухмыльнулся уголком губ.

– Отлично. Ну, давай посидим...

– Что конкретно тебе не нравится?!

Он молча изучал мое лицо. Неужели он понял? Но как человек может это понять, если он в принципе не знает, что есть сестра-близнец, которая в теории может приехать вместо «оригинала»?

– Почему же, нравится, – сказал он после долгой паузы. – Мне нравится, что ты учла все мои замечания.

Язык сработал быстрее, чем мозг...

– Какие?

Черт... Я не должна была спрашивать. Я же, по идее, знаю.

– Не делай вид, что не помнишь.

– Давай по существу, – резко сменила я опасную тему. – Замечал ли ты что-то странное в этом доме?

– Странное? – хмыкнул он. – Насколько? Сегодня мы все-таки разбирали случай с призраком на кладбище, а завтра мы будем придумывать тексты песен, которые мог бы спеть умерший человек, если бы дожил до этого дня. Это достаточно странно для тебя?

Теперь уже хмыкнула я.

– Тогда зачем ты здесь, если тебя это не устраивает?

Ты что, не фанат Павлецкого?

– Я ценю Павлецкого как творческую единицу, – осторожно ответил он. – А здесь я скорее за общением.

– Ты Тимура подразумеваешь или Алену?

– Господи, ты опять ревнуешь! – Он резко поднялся с кресла и прошелся до подоконника, чтобы выглянуть в окно. Или просто спрятаться от моего взора. – Я с ней расстался еще в прошлом году!

Я знала, что должна что-то сказать, но я не могла. Легкие сжались в маленький комок, запрещая мне дышать. «Опять ревнуешь». У них все-таки были отношения! Возможно, именно он, Саша, обозначенный в списке контактов как «Зая», вытащил мою сестру из постели посреди ночи, чтобы увезти на какое-то кладбище! Но что произошло потом? Ведь он не выглядит удивленным моей живучести. Стало быть, не знает, что Элла пропала, и следовательно, не имеет к этому никакого отношения. Но мне надо было сразу подумать об их связи, как только я его увидела – еще дома, на фотографии. Элла всегда судила людей по внешности. Она, в отличие от меня, эстет и стопроцентный визуал. Все парни, что у нее были (из тех, кого знала я), обладали весьма привлекательным лицом и чаще всего спортивной фигурой.

Он так и стоял ко мне спиной. Пользуясь тем, что он меня не видит, я прикрыла глаза, пытаюсь отдышаться. Спокойно. У Эллы были отношения с этим типом. И что? Поздравь себя

с прорывом в расследовании.

М-да, вот только любовник Эллы – это первый человек, который сумеет меня раскусить. Может, у них все-таки ничего не было? Так, легкий флирт...

Когда Саша отвернулся от окна, за которым медленно плыла черная ночь, я уже полностью пришла в себя и сразу же полезла в карман.

– Вот что мне сунули в рюкзак, – сказала я, протягивая ему лист, когда он вернулся к креслу. – Не успела я переступить порог этого прекрасного дома.

Саша взял у меня бумажку и развернул.

– «Уходи, не то хуже будет», отлично...

– А потом ты ловишь меня возле бани и говоришь примерно то же самое...

– Да не говорил я такого! Я просто не думал, что после... Впрочем, не важно, – отмахнулся он. А зря, мне очень хотелось узнать, что последует за «после», извиняюсь за тавтологию. – В тебе нет ни стыда ни совести, это всем давно известно.

Злость и смущение вспыхнули во мне одновременно. Я знаю, что говорил он не обо мне, но почему-то стало так обидно, словно оскорбляли конкретно меня, а не Эллу. Или мне было обидно за сестру? Все-таки мы всегда стремимся выгораживать своих близких, даже когда они объективно не самые идеальные люди.

– А в тебе, стало быть, есть, да? – прорычала я в ответ. –

И тот, кто шлет мне эти записки, пытаюсь напугать, тоже преисполнен совести, да?

Он медленно опустился в кресло, не сводя с моего горящего яростью лица своего внимательного, изучающего взгляда, и тихо молвил:

– Кто ты такая на самом деле?

Кровь тут же отлила от моего лица. Если до этого – я была уверена – оно полыхало ярким румянцем, то сейчас я, наверно, была бледна как полотно. Или как этот самый лист в его руке с обратной стороны. Белее не придумаешь.

Он понял, что я не Элла! Что же делать?!..

– В смысле? – тихо спросила я, стараясь не выдавать волнения, обуявшего мою грудь.

– Я имею в виду, что ты ведешь себя странно сегодня, – ответил он уже другим тоном – обыденным.

– Ты же хотел, чтобы я изменилась, – выкрутилась я, вспомнив его собственную фразу.

Но он уже не следил за мной взором, а изучал записку более тщательно. Оказалось, что это просто была шутка. Как во всех этих сериалах – «Кто ты такая и что ты сделала с моей сестрой?» Или: «Верни мне моего брата, перевертыш!» Последнюю реплику я, скорее всего, слышала в «Сверхъестественном». Но это не точно. Короче, просто расхожая фраза. Мне надо вести себя спокойнее, я своей бурной реакцией себя выдаю. На воре и шапка горит, как известно.

– А ты не думаешь, что это связано с Наташей? – предположил он через минуту, возвращая мне лист бумаги.

Приплыли. Ну и кто такая эта Наташа? Ах, нет, постойте. Знакомое имя. Не та ли Наташа, в чьей комнате я сейчас живу? А что с ней случилось? Я-то думала, что она просто не приехала, и все. Как заставить его рассказать?

– С Наташей? – перепросила я, нахмутив брови, дескать, задумалась. Всерьез рассматриваю его версию – типа того.

– Ну да. Об этом знал не только я.

– Но орудовал ножницами и клеем «ПВА» не ты... – уточнила я на всякий случай (просто чтобы выиграть время).

– Да не я, не я... – вздохнул он, немного раздражаясь.

– А кто еще знал?

– Ирка твоя, – усмехнулся он.

– Ну это понятно, – кивнула я, считав его интонацию. Судя по тому, как он это произнес, это было заранее мне известно. В голове тут же выстрелила новая идея – допросить Ирку! – А кто еще мог знать? Твой Тимур?

– М-да, – чуть наклоняя лицо, будто стыдясь, признался Саша. – Я с ним поделился, когда узнал, что произошло. Не мог держать в себе. Но это не он!

– Дурацкие шутки очень в его стиле.

– Вот именно, а это не дурацкая шутка, это угроза.

– Хоть и дурацкая.

– Хоть и дурацкая, – согласно кивнул блондин. – Еще Мила знает, скорее всего. Ну то есть я не уверен, и я ей не го-

ворил, но так как она тоже жертва твоих странных, если не сказать больше, розыгрышей, то вполне могла сложить два и два.

Я в ужасе молчала. «Розыгрыши?» – хотела я перепросить, но вовремя прикусила язык. Лучше никак не реагировать.

Собственному совету я, похоже, не вняла, и что-то жуткое отразилось на моем лице, потому что Саша поинтересовался:

– Что с тобой? Все хорошо?

Нет, мне нехорошо... Даже очень нехорошо.

– Я просто думаю, кто подбросил мне записку.

Здравый смысл подсказывал, что, пока я окончательно не выдала себя, пора валить из его опочивальни. Засим я поднялась.

– Ладно, спасибо, что пригласил и выслушал, пойду спать.

Я быстро пошагала к выходу, и в спину мне прилетело изумленное:

– Ты правда изменилась...

Открывая дверь, я молилась, чтобы в коридоре никого не было. Время позднее, но мало ли кто во сколько ложится. Вряд ли только мы с Сашей совы.

Но нет, тишина. Внезапная идея погнала меня мимо моей комнаты к дальней двери, что возле лестницы. Я прижалась ухом вплотную к светлomu дереву и прислушалась. Ничего не слышно, даже ровного дыхания, но это еще не зна-

чит, что человек не спит. По всей видимости, звукоизоляция здесь не самая плохая. В любом случае мне тут делать нечего. Если бы была слышна музыка или еще какие-то звуки, указывающие на то, что хозяйка комнаты не спит, я бы постучалась, а так – нет.

Несолоно хлебавши я вернулась к себе. Проверив замок на двери, я пришла к радостному заключению, что можно запереться хотя бы изнутри, что я в итоге и сделала.

Сперва меня разбудили звуки из коридора – шаги, грохот, разговоры. Но я еще не поднялась, только терла лицо, чтобы прийти в себя, как тут в дверь постучали.

– Кто? – крикнула я, но не получила никакого ответа.

Через десять секунд снова стук. Да вы издеваетесь! Почему нельзя ответить через дверь? Неужели меня не было слышно?

Я нехотя поднялась, поправила непрозрачную пижаму, пригладила волосы и открыла дверь.

Антон.

– Собирайся, умывайся, завтракай. Через полчаса начнется репетиция.

– Что?

Задав вопрос, я тут же вспомнила, как Саша говорил вчера про какие-то песни, которые нужно будет завтра выдумывать. Боже, неужели это все реально будет происходить сейчас?..

– Я знаю, что ты любитель поспать, и помню, что ты любитель опаздывать. Мы же договаривались, что я всегда буду контролировать тебя. Или ты забыла?

– Нет, я помню, конечно! – заверила я, сонно потирая лицо.

– Ну вот. Считай, что я твой тайм-менеджер.

Тони поправил очки, развернулся и ушел. Я смотрела ему вслед, задумавшись, и пропустила момент, как кто-то другой заметил меня. Раздался громкий одобряющий свист. Я повернулась в сторону шедшего звука. Тимур. Господи, этому-то что надо?

– Красотка! Давай, а? – И он показал неприличный жест.

Хотела я молча закрыть дверь и лишь мысленно гаркнуть «Катись!», что было больше в моем стиле, но вспомнила Эллу, и в итоге показала средний палец в ответ. Тимур заржал и побежал в сторону лестницы, а я похвалила себя за быстроту реакции. Даже спросонья я должна помнить, что я здесь Элла, а не Соня, и вести себя соответствующим образом. Элла даже родителям «фак» показала пару раз.

Чтобы понять, что его так впечатлило, я обратилась к зеркалу, висящему на внутренней стороне дверцы шкафа.

М-да, офигеть. Лохматая, губы обветрены, пуговицы застегнуты неправильно, в итоге один угол пижамной кофты ниже другого. Да, Элла всегда спит голышом, но не здесь же? В любом случае я ничего похожего на ночную сорочку в ее вещах не нашла, потому захватила собственную пижаму –

темно-синюю хлопковую с котятами. Я не ожидала, что меня в ней здесь кто-то увидит.

Нужно срочно исправлять положение!

Повинуясь этому решению, я напялила на себя кожаную мини-юбку и красную майку на молнии. Да, вызываясь. Но если Тони с Тимом будут ходить и всем рассказывать про мою монашескую пижаму (ее так Элла называет), то это может родить подозрения...

– Не будь дурой, – сказала я себе, закрывая дверь в санузел и держа в руках зубную щетку, пасту и полотенце. – Она никому не сказала, что у нее есть сестра.

В принципе она могла сказать, что сестра есть, думала я, подкрашивая ресницы тушью. Просто не упоминать наше внешнее сходство. В ее рассказе мы могли быть двойняшками, а не одноййцевыми близнецами. Или я могла быть моложе (или старше). Эх, знать бы заранее... На всякий случай не стоит ничего говорить о семье. С нее станется после какой-нибудь ссоры ляпнуть, что «предки померли». Представляю, как я шокирую всех рассказом о том, к примеру, что я родителям соврала, будто еду к тетке в деревню. Кстати, надо написать маме, что у меня все хорошо...

На кухне я появилась, когда там осталось всего два человека: Тони и Ирина.

– Ждала тебя, даже крекеры не ела, – пожаловалась вторая, – а чай уже остыл.

Я хотела извиниться, но вместо этого пожурила:

– Ну что ж ты ждала, могла бы поесть!

Я же все-таки Элла!

А Тони раскрыл секрет:

– Она яичницу слопала уже, пока ждала, а теперь строит из себя сироту казанскую. Же не манж па си жур...

Я засмеялась, а Ирка угрожающе подняла кулак.

– Ты не следи за тем, сколько я жру! Мамки хватает!

– Фу, как быдло выражаешься...

– А я и есть быдло! Че с меня взять, с деревенской!

Пока они пререкались, я налила себе чай и достала крекер.

– А че не кофе? – удивился Тони.

Черт... Я забыла, что Элла всегда пьет кофе по утрам. У нас обеих низкое давление, но я кофе не люблю, спасаюсь крепким черным чаем.

– Не хочется, – лаконично ответила я.

– Ну ладно, увидимся на репетиции! – Тони помахал нам рукой и был таков.

Мы остались с Ирой вдвоем. Наконец-то! Пользуясь случаем, я подвинулась к ней поближе и зашептала:

– Мне записку с угрозами подсунули.

Ее глаза – и без того огромные, цвета морской волны, словно бездонный океан, – расширились, занимая теперь половину лица. Я вдруг подумала, что если бы она сбросила вес, щечки бы уменьшились, а овал лица стал четким, и она была бы очень симпатичной. Возможно, в тот момент, когда

они познакомились с Эллой, Ирина была значительно стройнее. Ведь, как я говорила, Элла падка на внешность, даже когда дело касается дружбы, а не любви.

– Да ну! – шокированно произнесла она.

– Ага. Цитирую: «Уезжай, не то хуже будет».

– Ни фига се!

– Как думаешь, это связано с Наташей?

Ирина задумалась.

– Не знаю. Кто бы мог так озлобиться на тебя из-за той истории? Если только Сашка...

– Что? Сашка? – удивилась я. – Нет, это не он.

– Почему?

– Потому что мы с ним обсуждали это, я показывала ему записку даже.

– Ты говорила с ним об этом?! Ты с ума сошла!

– Но почему?..

В этот момент я услышала шаги и повернулась к двери. На кухню зашел недовольный Сергей Петрович.

– Девочки, быстрее можно? Только вас ждем!

Я отставила чашку, так как завтракать уже не хотелось. Ирина сунула крекер в рот и стала жевать всухомятку, пока мы, подгоняемые Макаровым, шли следом за ним по длинному коридору к двойным дубовым дверям. Оказалось, что это библиотека. Не такая, как показывают во всяких фильмах про Гарри Поттера (и снова он пришел на ум), но тоже большая. Я имею в виду не коллекцию книг, а са-

мо помещение. Высокие темные стеллажи под потолок стояли только вдоль одной из стен. Остальное место занимали столы, обыкновенные, письменные, стоящие друг за другом, как парты в школьном классе, а в центре большой площадки был водружен настоящий рояль. Неужели мне придется играть на нем?.. Да нет, не может же он заставлять молодежь осваивать музыкальные инструменты. Элла не умела играть, это точно, поэтому я вполне безопасно для себя могу отказаться.

Страх, едва появившийся, тут же угас, потому что за рояль сел сам Сергей Петрович. Это хорошо. Лучше буду слушать кого-то другого, чем выступать сама. Это у меня с детства. Мама пыталась нас отдавать в различные кружки, но тогда как Элла была бездарна, хоть и стремилась блистать, я же, едва обнаружив у себя какой-никакой талант, стремилась его спрятать. Выступать для кучи людей – это ужасно. Даже в школе я всегда хуже отвечала у доски, чем с места.

– Уже четыре года у нас проходят творческие вечера и концерты самодеятельности в честь Яна Павлецкого. Надеюсь, никому не нужно объяснять формат сегодняшней репетиции. В среду будет концерт, не обещаю Петракова, но Шевченко точно будет, я с ним сегодня созванивался.

Все ахнули одобрительно-восхищенно, а я мало того что не знала этих людей, так еще и была раздавлена информацией о том, что будет «концерт самодеятельности», в котором нам всем придется участвовать. Да, я читала приглаше-

ние, видела программу съезда, но почему-то, впервые увидев слово «концерт», я ожидала, что выступить будет какой-нибудь местный ансамбль, а то, чем *мы* будем заниматься, это что-то «внутреннее», «для личного пользования». Запишут видео и будут друг другу высылать. А теперь оказалось, что все реально, что каждый из нас должен будет выступить перед другими людьми на концерте в честь 30-летия рэпера! То есть всем заранее высылали тексты каких-то песен, которые нужно выучить? И я сейчас опростоволошусь, да? Ах, нет, все еще хуже. Саша ведь сказал «придумывать». То есть мы должны были приехать с заготовками! Боже, я впервые не сделала домашнее задание... Почему же на почту Элле никто ничего об этом не написал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.